

А.М. Рожалин

Моя фамилия Рожалин

Часть 2

2014

Рожалины

(поэма)

«Неуважение к предкам есть
первый признак безнравственности.
А. С. Пушкин».

Моя фамилия Рожалин
Вам ничего не говорит,
На исторических скрижалях
Она бессмертьем не горит.
Вам не поймать меня на слове:
Я по отцу принадлежу,
Увы, к дворянскому сословию
И даже предками горжусь.
Но я борцом за счастье вырос –
Парторг, учитель и поэт,
Во мне прекрасно повторились
Задатки предков с давних лет.

Мой прадед, нам на удивленье,
Был друг поэта, что внушал
Всем москвичам благоговенье.
В себе он дивно сочетал
Талант поэта, музыканта,
Художника, глубокий ум,
Орлиный взгляд и профиль Данте,
И таинство мятежных дум.

Увы, всё в этом мире тленно,
Что отжило – идет на слом.
В те времена в Кривополенном
Стоял старинный барский дом.
В него задолго до событий
Привез Рожалина поэт.
«Твой лучший друг? У нас живите», –
Сказала маменька в ответ.

Для них Платон и Шеллинг были
Примером любомудрецов.
Они, дыша архивной пылью,
Пытали скоропись «столбцов»,
Внимая гласу древней славы...
Рожалин в средствах был стеснен,
Когда, когда придет с Полтавы
С деньгами бабушкин поклон.

Он помнил бабушку в капоте,
Мрак низких комнат, сад весной,
И знал, что Гетман-полубатька
Ему был близкою родней.
Здесь он боялся превратиться
В нахлебника: «Мое житьё...»,
Друг начинал тогда сердиться:
«Твоё – моё, моё – твоё...».

Был Веневитинов магнитом,
К нему тянулись все, кто смел,
Кто честно ненавидел сытых,
Кто жаждал благородных дел.
Средь них Одоевский и Нозив,
Погодин, Кышлев и Титов –
«Архивны юноши», которых
Отметил Пушкин парой строф.

В Газетном, тихом переулке,
Где жил Одоевский тогда,
В субботу в кабинете гулком
Они сходились. И всегда
Князь, как посадник, ведал вечем,
Рожалин протоколы вел,
А Веневитинов, наверно,
Вонзал в сердца друзей глагол.

Бывали здесь Рылеев, Пушкин,
Все те, кого ждала Чита,
И даже Пушкин всемогущий
Здесь статьи вольности читал.
Так общество росло и жило,
Казалось – брезжила заря.
Вдруг всех параличом сразило
Четырнадцатое декабря.

Как? Что? Куда? Бежали вести,
Хлестала арестов волна...
Архив решили сжечь на месте –
Весь без остатка, весь сполна.
Подобный яростному шагу,
И от волнений приустав,
Жёг князь Одоевский бумаги –
И протоколы, и устав.

Димитрий плакал, а Рожалин
Глядел в камин, нахмуря бровь:
«Пока разгрома избежали...
Когда ж теперь сойдемся вновь?».
Грустя, поэт уехал в Питер.
«Московский вестник» чуть журчал,
Рожалин в грохоте событий
Лелеял сироту – журнал.

Но, Петербург холодной хваткой
Поэта смял и задушил.
Свинцовый зной на дрогах шатких
Москва встречала без души.
Цветы железные дрожали,
Летел по ветру черный шелк.
Из всех друзей один Рожалин
За гробом друга скорбно шел.
Куда теперь? Кому ли нужен?
Служить? Определили в полк.
Пошли чины, награды, служба...
На дне души таилась дружба,
Перед Россией скорбный долг.

Мой дед военным был с пеленок.
Мечтал жениться. Кто пойдет,
Когда карман его так тонок,
Как у крестьянина живот.
Он жил на жалованье только,
Любил балы, был всюду зван,
Но мало было в этом толку.
Что впереди? Один туман.

Родня принудила жениться
На светской львице Левенгоф,

Чтоб грех прикрыть и очутиться
С полком за дридевать земель
От гвардии и Петербурга.
Жена же, бабушка моя,
Отъезд переживала бурно
В Новгородские края.

Она, шутя, в подарок мужу
Родила дочек и сынка.
Полковник слег. Ему все хуже.
Тяжка всевышнего рука.
Вернувшись в Петербург, вдовица –
По-девичьи стройна, легка,
На удивление столицы
Вновь подцепила муженька.

Полковник Анненков – из гордой
Семьи страдальцев за народ,
Став семьянином, бросил город,
В Починках принял он завод,
И зажил широко и строго,
Снискал почтенье конюхов,
Освоил дело. Понемногу
Отвык от строя и балов.

Отец мой, озорной мальчишка,
Жил вольно, к отчиму привык,
Но рано дерзкие мыслишки
Просились на его язык.
Запомнил он кадетский Питер,
Муштры три года. Надоест:
«Марш под ружье!», «Как вы стоите?!» –
Все порождало в нем протест.

Его дружок, Сережа Крайнов,
Политехнический студент,
Водил его на сходки тайно.
И вот критический момент –
Внезапный обыск в тесной спальне,
Арест и кличка «Демократ»,
Сменил за год кадет опальный
Четыре корпуса подряд.

Так добрался до Оренбурга.
Окончил. Был ли в этом толк?
Отправлен на своем Кауром
Под Ляоян, в казачий полк.
Стал забайкальским рядовым,
Ходил в разведку. Кони сами
Несли сквозь гаолян и дым.
Лихую поднял он атаку
В тылу японских батарей,
Когда полковника Осаки
Срубил он шашкою своей.
И тут же раненого кинул
Мешком Каурке на седло,
Преодолея ручья стремнину,
Доставил пленного в село.

Полковник – в штаб его к «папашке».
Отца – к награде. Добрый жест.
Повесил «папа» на рубашку
«Егория» солдатский крест.
Сандепу сдавши, отступали,
Теряли тысячи солдат.
Зачем? Ответ найдешь едва ли,
И ранен был он даже раз.

Война закончилась позором.
Над лазаретом плыл рассвет,
Качнулись от приказа горы –
В Россию выехал корнет.
Нет, вольнодумства не простили.
Он понял и на этот раз,
Совсем не нужен он России:
- Служить. В драгуны. На Кавказ.

Когда плелись на старой кляче,
Надзор негласный – князь Нико.
Могло ли быть тогда иначе?
Увы, Россия далеко.
Два года он писал «рапорты» –
Уйти в отставку и осесть.
Отказ. Отказ... Какого черта!
И наконец – отставка есть!

В Починках отчим встретил сухо,
Уже отрезанный ломоть:
- А коль случится «заваруха»,
Опять дрова пойдешь колоть?
- Что вы, папа! Покой мне ближе.
Женюсь, как суслик буду жить.
- Ну, хорошо, я съезжу в Нижний.
А земским будешь ты служить?
И мужиков мутить не станешь?
- О, нет, папа! Я слово дам.
- Ой, Миша, не клянись заранее,
Идет столыпинский бедлам.

Из Нижнего вернулся отчим,
Качнул красивой головой.
Ну, Мишенька, сказать не к ночи,
Не земским будешь, а и. о...

Не утверждает губернатор.
Ведь – поднадзорный, как-никак,
Спасибо, поддержал сенатор,
Любитель комнатных собак.
Ты приступай, да посмелее.
Чай, предводитель уж готов
Повесить цепь тебе на шею
И скажет пару глупых слов.

Так мой отец нырнул с разбега
В мужицкий омут с головой.
Завел в оглобли Печенега,
Заправил тарантас травой
И выехал в объезд участка.
Он думал: милуй и карай,
Богатым не давай грабастать,
Определяй, чем дышит край.
Десятских подбери толковых,
Язык у старост развяжи,
Найди среди них людей готовых
Ослабить мужику гужи.

Мертвы Любимово и Взовка,
Бугры и Ташкино. Не прост
Ивашевский хохол сноровкой,
Кулак, на вид – великий пост.
В Панкратове кузнец Черкасов,
Плюнь – закипит. Ефим – пастух,
Что угощал фруктовым квасом,
Был к горю русскому не глух.

- Бывает так, видали сами,
Что пушка холостыми бьет, –
Ему подбросил на прощанье
Манчжурский унтер Воробьев,

Мужик угрюмый и тяжелый,
Любитель выпить, в общем, жох.
Он жил как раз у земской школы
И был учителя дружок.

Учитель – умный, осторожный.
- Читать? Некрасова? Ну, что ж.
Попробуем, Савелий?
- Можно!
- Сойдется ль только молодежь?
В пять дней, объехавши округу,
Он твердо к выводу пришел,
Что от Починок грязных к югу
Не отыскать счастливых сел.

Однажды, в гости приглашенный,
В Никитино приехал он.
Дом барский, садом окруженный,
Казался погруженным в сон.
Сад по горе стремился к речке,
Плевался дымом спирт-завод.
Перед верандой, на крылечке
Сидела в полуоборот
С раскрытой книгой на коленях
Девушка. Видимо, она
Искала тишины и тени.
И в книгу вся погружена,
Она его не замечала,
Не поднимая с книги глаз,
Она читала и читала,
И улыбалась много раз.

Виденьем чудным пораженный,
Он изваянием застыл.

«Такую девушку бы в жены», –
Он думал, глядя на кусты.
Он подошел через минуту,
Назвался. «С кем имею честь?».
- Учительница я, Аня.
Давно папаша служит здесь.

Так познакомился он с мамой,
Влюбился. Ездил целый год
На Василевку. Крюк не малый,
Сквозь ярость зимних непогод.
Жила Аня в земской школе,
В сенях он оставлял тулуп,
Пил крепкий чай с вареньем вволю
И был не смел и даже глуп.

Рассказывал о том, что видел,
Как воевал, как ранен был,
Как князь Нико его обидел,
Как оплеухой оплатил.
Аня слушала, молчала,
Смотрела строго, точно мать.
Не доверявшая сначала,
Она сумела разгадать
В нем человека и сказала:
- Вы, Миша, мне чуть-чуть с родни,
Ведь под огнем и я бывала
В далеком Соромове. Огни
И смерть. Я раны бинтовала.

Товарищ Павел звал меня
Тогда сestroю большевительской.
Он вывел нас из-под огня
Болотами, тропой привычной.
Я тайну эту берегу,

Не дай Бог, если кто услышит.
От вас таиться не могу,
Вы слишком дороги мне, Миша.
Коль вам такая я нужна,
Берите. Сгинут мрак и вьюга.
Я буду верная жена
И бескорыстная подруга.

Гремела свадьба. Пляски, песни,
Лихая тройка с бубенцом.
Нет времени в стократ чудесней,
Чем жизнь с любимой вдвоем.
Но коротки у счастья ноги.
Четыре года – точно сон.
Война, и папа прежде многих
Повел драгунский эскадрон
На фронт и сразу в наступленье.
Их предал русский генерал.
Никто не вышел из сраженья,
Цвет кавалерии пропал.

Осталась мамочка вдовою,
Сироты, дети – это мы.
Едали бублики с корою,
Без дров сидели средь зимы.
Ура! Ура Советской власти!
Теплее стало людям жить,
И мама с гордостью и страстью
Пошла неграмотных учить,
С детьми голодными возиться,
Инспекторствовать в РОНО,
В детдоме с горем насмерть биться
Ей было, верно, суждено.

А мы учились понемногу,
Я – пионер. Отряд – мой дом,
Привел на верную дорогу,
Наполнил жизнь мою трудом.
И все ж я жизнью не доволен:
Я мог бы стать не тем, кем стал.
Мне не хватает силы-воли,
Я раньше времени устал.
Моя фамилия Рожалин
Вам ничего не говорит,
На исторических скрижалях
Она бессмертьем не горит.

21 февраля 1981 года. Починки.

Примечания:

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805 – 1827 год) – русский поэт, член общества любителей, друг Николая Матвеевича Рожалина.

Гаолян – однолетнее травянистое растение семейства злаковых (в Китае, Японии и других местах).

Гетман – с 1648 года правитель Украины и глава казацкого войска.

Данте Алигьери (1265 – 1321 год) – итальянский поэт.

Ляоян – город в Северо-Восточном Китае (место сражения в 1904 году во время русско-японской войны).

Осака – город и порт в Японии.

Платон – древнегреческий философ (до н. э.).

Сандепа – район военных действий во время русско-японской войны 1904-1905 года.

Скрижали – в Библии каменные доски с десятью заповедями, врученные Моисею Богом на горе Синай. В переносном смысле – «то, что хранит» (куда заносятся памятные события, даты, имена, идеи).

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775 – 1854 год) – немецкий философ.

Починки

(венки сонетов)

Летописное

Глухие первобытные леса
Тянулись по холмам над быстрой Рудней.
Добрый Чам-Пас творил в них чудеса
И пил пуре и в праздники, и в будни.
Пока монах писал славянской вязью:
«Мордва языцы свой и дань Руси дает»,
Меха соболя и янтарный мед
Везла дружина киевскому князю.
Поздней Пургас эрзянской ратью пешей
Встречал набеги муромских князей,
Теряя в битвах славу и людей.
Но содрогнулись Вирьазар и леший:
В леса мордовские, как черная беда,
Неся огонь и смерть, пришла Орда.

Монголы

Неся огонь и смерть, пришла Орда.
Из Рудни пили лошади Батя.
Мордва и Русь шли вместе на врага,
Звенели стрелы и клинки стальные.
На север двигались татар лавины,
Опустошенный покидая край.
Келеуштан, Леляев и Камай
Сгорели до последнего овина.
Остались в пущах черные знамена,
Бобровы гоны в тихих заводях,
Кой-где и люди прятались в лесах.
Их испугала жизни перемена.
Они пришли в сгоревшие «веле»
И стали копошиться на земле.

Вильгельм де Рубрук

И стали копошиться на земле,
Пшеницу и ячмень сажали в перелогах,
Рубили «кудо» прямо на золе.
Лет через пять оправились немного.
Еще стонала Русь, а с ней мордва,
Баскаки появлялись рядом где-то,
Вильгельм Рубрук подъехал к Рудне летом.
До наших дней дошли его слова:
«Земля Мердас и Моксель в изобилии
Имеет драгоценные меха,
Мед, воск. Дорога лишь плоха.
За сей землей течет на юг Итилия».
Голландцем двигала наживы страсть –
В лесах и топях можно и пропасть.

Мурза Еникей

В лесах и топях можно и пропасть.
И люди в них бесследно исчезали,
Как будто бы волшебная тропа
Влекла их в мир чампасовской печали.
Так после смуты в них от мести хана
Исчез Мурза ордынский Еникей.
И Темников с тех пор на много дней
Столицей малой вырос из тумана.
На Рудню с темником пришли татары,
С мордвой они зажили дом о дом.
Детишек вместе нянчили потом,
Да сватов угощали медом старым...
Глядел на них зеленый пышный мир.
И стал Келеуштан – Анудемир.

Иван Грозный

И стал Келеуштан – Анудемир.
Стирало время древние обиды –

Досай Сундюк и Еникей Темир
В полках московских до Казани идут.
Соединились с Русью их дороги,
Но царь Иван, не доверяя им,
Велел указом именным своим
Поставить пограничные остроги.
Засекой оцетинился Алатырь,
У Пузских врат шумел казачий стан.
На Альзе бой кочевникам был дан,
И не один погиб в нем славный батыр:
И вот забрезжила пугливая заря
Над вотчиной московского царя.

Русские бояре

Над вотчиной московского царя
Швыряла осень листья золотые.
А на Починки, алчностью горя,
Бояре двинулись и пастыри святые.
Их царь великий жаловал землицей,
Угодьями лесными со пчелой
В своей мордовской вотчине «пустой»,
Как будто шапкой или рукавицей.
Морозов, Воротынский и Бахметев
Холопьев гнали в дикие места
Под сенью православного креста.
Принудников держали на примете,
Слагали с них налоги лет на пять,
Чтоб жизнь на новом месте начинать.

Никитино

Чтоб жизнь на новом месте начинать,
Служилый Аникита Полдомасов
Стал вольных хлебопашцев зазывать
В Собакин стан, на юг от Арзамаса.
Пяток семей по доброму почину

С Никитой на Ломовке стали жить,
Пахать целинник, вёхову косить
И все дела решать своей общиной.
Повинности и подати исправно
Они несли до черной той поры,
Когда всю ночь, молясь на топоры,
Из вольных стали вмиг скотом бесправным.
Крепь полдомасовцам затмила свет,
Сведя права крестьянские «на нет».

Байково

Сводили все права мордвы «на нет»
Монахи мертвой волчьей хваткой.
Богаче Троицы владыки нет –
Куда тягаться с ним Бойко иль Резоватке?
На мужиков покрикивая бойко,
Пригнал их служба Сидор Бухвалов
С переяславских дальних берегов.
В Байкове закипела стройка.
Рубили трудники себе «хоромы»,
Валили лес и корчевали пни.
На страх зверью кострища жгли они,
Пахали, сеяли. Дорогою знакомой
Везли обозом в монастырь святой
Все, что рукой добыто трудовой.

Боярин Морозов

Все, что рукой добыто трудовой –
Хлеб, птица, мед, пенька и сало
Текло со всех концов Руси рекой
Боярину Морозову в подвалы.
Зело богат и родовит Морозов,
Друг и свояк «тишайшего» царя,
К монахам Лавры завистью горя,
Правитель пролил крокодильи слезы:

«Что стал, мол, стар. На добрые поминки
Расход жене, мол, надобен большой,
А вотчин добрых мало за душой».
И продал Алексей ему Починки –
Келеуштан, Леляев, Тектелей –
За всё сто сорок получив рублей.

Новое Рождествено

За всё сто сорок уплатив рублей,
Борис Иванович объехал все владенья.
Из Подмосковной вотчины своей
Пригнал крестьян сюда на поселенье.
На Рудне стали станом мужики:
Починки – что родное Подмосковье.
И вот пришельцы с болью и любовью
Ново-Рождествено срубили у реки,
В Кочкурово, Сеидовку и Кемлю
Обозы новоселов шли и шли.
Стрельцы и пристава их стерегли,
Сажали крепко на чужую землю.
С мордвою русские сживались тут,
Неся холопства вековой хомут.

Разинщина

Неся холопства вековой хомут,
Роптали пахари на бога и на пана.
И, наконец, настало время смут,
«Прелестных» писем Разина Степана.
На «кровопивцев» подняли ватаги
Никитинский, Петровы, Янка Мал.
И час расплаты для бояр настал,
В Починках жгли кабальные бумаги.
На Пельке встала Янкина застава,
Ловила беглых бар и чернецов,
Подьячих, управителей, купцов –

Крута была мужицкая расправа!
Пока творили судные дела,
Алёна-атаманша подошла.

Алёна

Алёна-атаманша подошла,
Бывалая казачка с Выездного,
Красой, умом и силою взяла
И ведала святую тайну слова.
С ней тысяч двадцать пеших войск и конных,
И пушки с арзамасских крепостей.
«На Темников!». Повешен Еникей,
Ясачные порвали цепь законов.
Войска готовит мудрая Алёна,
На помощь Разину ватаги шлет.
Но Долгоруков Темников берет,
И падают мужицкие знамена.
И гибнет атаманша на костре
На воеводском крепостном дворе.

Уездный город

На воеводском крепостном дворе
Дьяк прочитал указ, людям на горе:
Приписаны Починки при Петре
Поташной императорской конторе.
Поручики, сержанты и капралы
Вершили круто царские дела:
На месте обветшало село
Уездный город развернул кварталы.
От Помалатки к Рудне, точно роты,
На штурм лесов рядами шли они,
Неся заводов четырех огни
И усталь полу-праздничной субботы,
Когда, оставив замшу и верстак,
Спешили люди в баню и в кабак.

Поташ

Спешили люди в баню и кабак,
С тревогою окрестность озирая.
Они привыкнуть не могли никак –
Менялся облик их родного края:
На сотни верст раскинулись майданы,
Под топорами падали леса,
Коптили черным дымом небеса
И день, и ночь печищи будных станов.
И мастера – поливачи и будники –
Из дальних засмоленских мест
Едва несли работы тяжкий крест
И обучали старожил-трудников,
Как в испарениях поташных чаш
Дешевый выщелачивать поташ.

Конец поташной каторги

Дешевый выщелачивать поташ
Труднее становилось год от года.
Лес отступал от сел. Входили в раж
Коммерц-советники, планируя подводы.
Дворов мужицких девятнадцать тысяч
В поташную царь отдал кабалу.
В пяти уездах от села к селу
Команды шли, чтоб непокорных высечь.
Починки пропылились. Летом жарким
Леса над Рудней больше не шумят.
Лишь внукам старики о них твердят,
Да на горы покажут, где, как в парке,
Стоят дубы, свидетели веков,
Вершинами касаясь облаков.

Конный завод

Копытами касаясь облаков,
На башнях кони вздыбились стальные.

За Руднею из вековых дубов
Построены конюшни полковые.
С Батурина и Ямполо коней
Солдаты в табунах пригнали летом.
Любила гвардию свою Елизавета,
И конный полк души не чаял в ней.
На трон отца гвардейскими штыками
Она, шутя, была возведена.
За то в мордовской вотчине она
Отгрохала мужицкими руками
Для конной гвардии большой завод –
Из крепости в крепь попал опять народ.

Пугачевщина

Из крепости в крепь попал опять народ.
Экономического ведомства крестьяне
Везли овес и сено на завод,
Расписываясь жирными крестами.
Но вспыхнул край огнем в июле душном,
От Курмыша катился грозный вал.
Царя мужицкого в Починках ожидал
Работный люд в преддверье доли лучшей.
Но прискакал отряд Ивана Иванова:
«Здорово, конюха! Для всех дворян
Пожаловал нам батюшка аркан...»
Завод разбит. Зацокали подковы.
Табун коней, Починок скромный дар,
Шел на Саранск, косясь на пожар.

Михельсон

Шел на Саранск, взирая на пожар,
Полковник Михельсон, как приведенье.
По селам рыскали команды лейб-гусар,
Чтоб в должное вводить повиненье.
Вечер байковских взяли мужиков,

Оружно шедших в помощь Пугачеву.
На площади на глаголе дубовой
Повесил Михельсон бунтовщиков.
Спешил полковник. Эскадрон гвардейский
Оставил восстанавливать завод,
Ловить зачинщиков, пороть народ,
Искоренить весь умысел злодейский.
Тогда была крестьянам недоступна цель:
Бродила воля, как в бочонке хмель.

Городок заштатный

Бродила воля, как в бочонке хмель:
Но бочка лопнула, и брага вся разлита.
Крутились годы, словно карусель,
И бражная потеха позабыта.
Починки сникли. Городок заштатный
С тех самых пор, как выгорев дотла,
Торговлей поправлял свои дела,
Купеческие возводя палаты.
Завод за Рудней поднялся кирпичный,
На башне петербургской флюгер-конь,
А в денниках не кони, а огонь.
На карачаровском плацу привычно
Бил зорю лейб-гвардейский барабан,
Будя на труд военных поселян.

Военные поселяне

Будя на труд военных поселян,
Труба над Конзаводом громко пела.
Офицерё, пока не встал туман,
Солдат муштрой измучит до предела.
Потом – развод по отделеньям старым,
Берейторы в манеж или на круг...
Проходит по заводу чёрттов друг,
Сам господин смотритель Карачаров.

Стемнеет. Рядовые по загонам
На помощь семьям идут жать овсы,
А утром – на развод и на часы,
Согласно аракчеевским законам.
Не хочешь – приговор простой:
«Мерзавца пропустить сквозь строй».

Освобождение

Русь шла, непокоренная, сквозь строй
И кровью истекала от ударов.
Весть о бунтах бежала над страной
Сквозь отблеск севастопольских пожаров.
И вот весной в починковском соборе,
В церквах селений, что лежат окрест,
При всекрестьянском поголовном сборе
Попы читали царский манифест.
Крестьяне «волю» скоро распознали,
Всё крючкотворство царской «доброты»:
В Никитине, в Ивашевке бунты –
Посредники всю землю отобрали.
И, временною барщиной согнут,
Попал мужик из хомута в хомут.

Голодный год

Попал мужик из хомута в хомут.
Хомут кулацкий – тяжкая обнова.
Гришаеву за грош рогожи ткут,
Возами рожь везут в сусек Лаврову.
Испольщина, аренда, недоимки
И вспученный от лебеды живот...
Угрюмый девяносто первый год
Злым суховеем охватил Починки.
Ломились хлебом барские овины,
А в селах Короленко слышал стон,

Да мерный погребальный медный звон.
Проклятая мужицкая судьбина!
Какого не коснулась ты села?
Кому до сердца боль твоя дошла!?

1905 год

Тому до сердца боль твоя дошла,
Кто угнетения безмерного не вынес.
Кто, захватив все вилы из села,
Стал брать именья оптом и на вынос!
За долю лучшую восстала вся округа:
В Ивашевке громили Дурново,
Весь хлеб с полей забрали у него.
В именье Лютер огненная выюга
Усадьбу унесла под облака.
У Философова делили скот и землю.
От Василева, двигаясь на Кемлю,
Крестьянской мести грозная река
Починки захлестнула половодьем
Надежд и дум о счастье и свободе.

Февраль

Надежд и дум о счастье и свободе
Стольпин не испепелил до дна.
Чуть тлела искра, скрытая в народе,
Но помешала вспыхнуть ей война.
Война обезмужичила селенья,
Слезами жен дороги улила,
В полях сурепкой желтой зацвела
И лебедой кормила в воскресенье.
Безрукими кормильцы приходили,
На бревнах речь вели про «большаков»,
Кляли господ, стыдили кулаков,
Узнали первыми, когда царя сместили.

И вот на митингах, воюя с эсерьям,
Свой голос поднял человек с ружьем.

Октябрь

Свой голос поднял человек с ружьем.
Кто он? – Лисёнков, Бардин, Гнидин!
Вожак голодных, взвитых Октябрем,
Всю жизнь проживших в вековой обиде.
Весть о победе встретили в штыки
Эсеры из уездного совета.
Двадцать шестого с ними до рассвета
В народом спор вели большевики.
На помощь им с мандатом от Свердлова
Иштуин прибыл из Цека в уезд,
Чтоб власть советскую установить окрест,
Нести народу ленинское слово.
И вот в Починках в муках родилась
Веками жданная родная власть.

Личное

Веками жданная родная власть!
Ну как же мне тобою не гордиться:
Повсюду ленинская правда разлилась
Морями ржи и золотой пшеницы.
На месте курных изб выросли коттеджи,
В разливах окон – лампы Ильича.
Машины мчатся, весело урча.
Закат за Рудней лишь горит, как прежде.
Идут в кино комбайнеры, шоферы,
Электрики, врачи, учителя...
Так вот она, счастливая земля,
Столетиями мечтали о которой!
Весь жар души я отдаю тебе,
Твоей коммунистической судьбе.

Январь – июль 1969 года.

Примечания к поэме:

Алёна-атаманша – Алёна Ивановна, казачка из Выездного, которая была вождем крестьянского восстания в Окско-Сурском междуречье. Царские воеводы, терпевшие поражения от ее 20-тысячного войска считали ее колдуньей. Воевода князь Долгоруков, взявший город Темников, сжег «вора-старицу» Алёну в срубе.

Анудемир – татарское название Починка-Келеуштан на р. Рудня.

Бойко и Резоватка – имена мордвин, основателей и жителей Байкова и Резоватова.

Боярин Борис Иванович Морозов – богатейший после царя вотчинник второй половины 17-го века, друг, воспитатель и свояк царя Алексея Михайловича, правитель «всея великия и малые Руси», в апреле 1647 года купил у царя «пустую мордовскую землю Починки с пустошами и полянками, бортными и лесными ухажьями за сто сорок три рубли и три алтына с деньгой» и переселил из подмосковной вотчины своих русских крестьян в Починки, назвав село Новое Рождествено.

Веле – село (эрз.).

Вильгельм де Рубрук – голландский монах, миссионер и путешественник. Путешествовал по Руси в 1253 году.

Вирьазар – бог леса у древней мордвы.

Досай Сундюк и Тохман Садаев – действительные имена мордвин или татар, продавших свои земли в 1636 году Троице-Сергиевой лавре. Мордва и татары жили уже на реке Помалатке в 15 веке.

Еникей Темир – потомок мурзы Еникея.

Засака. В 15 веке по реке Алатырь проходила южная граница Русского государства, укрепленная по указу Ивана IV (1530 – 1584 гг.) засеками.

Засака – полоса леса, поваленная вершинами к неприятелю, непроходимая для конного войска. В Алатырской засеке были сделаны ворота у села Большая Пуза, где стояла

крепость. Засаку и ворота охраняли выездновские казаки. В 1612 году возле Большой Пузы была последняя битва с татарами.

Князь Еникей (потомок мурзы Еникея) – темниковский воевода, был повешен по приказу Атаманши Алёны, когда ее войска взяли Темников.

Кудо (эрз.) – изба.

«Мордва языцы свой и дань Руси дает» – перефразировка «Повести временных лет».

Мурза Еникей – золотоордынский темник, который в 14 веке после неудачного дворцового переворота бежал из Золотой Орды со своей тьмой (отряд в 10 тысяч человек) в междуречье Оки и Суры и основал г. Темников.

«Неся огонь и смерть, пришла Орда» – в 1236 году татары, разгромив Булгарское царство, напали на Русь.

Никита Полдомасов – «служилый человек», основавший в 1569 году село Никитино, расположенное в Собакином Стане за Пузской засекой Арзамасского уезда между речкой Ломовка и Кордасок.

Никитинский, братья Петровы и Янка Мал – предводители восставших крестьян в Починковской округе в период крестьянской войны под руководством Степана Разина.

Поташная императорская контора. Петр I после казни боярина Милославского, зятя Б. И. Морозова, «отписал Починки на государя» и с десятых годов 18-го столетия в Починках основывается поташная императорская контора, а Починки становятся уездным городом.

В Починках тогда было четыре завода: шляпный, портупейный, замшевый и камзольный. К Починковской поташной конторе было приписано 19 тысяч крестьянских дворов в пяти уездах (Починковском, Арзамасском, Саранском, Инсарском и Краснослободском).

После истребления лесов в Починках, поташная контора была закрыта, а Починки и 21 село были императрицей Елизаветой пожалованы **лейб-гвардии конному полку.**

В Починках за рекой Рудней была построена конюшня лейб-гвардии конного полка в виде прямоугольника с четырьмя воротами в середине и четырьмя башнями по углам из толстых дубовых бревен, крытая лубом.

Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева (в 1773-1774 году) всколыхнула экономических, монастырских и ясачных русских и мордовских крестьян тогда, когда Пугачев, перейдя Волгу, двинулся на Алатырь – Саранск – Пензу. От Пугачева в Починках побывал **конный отряд местного крестьянина Ивана Иванова**. Пугачевцы забрали на конном заводе строевых лошадей, нестроевых раздали крестьянам, а завод сожгли.

Полковник И. И. Михельсон, преследовавший фланговым маршем войска Пугачева, прибыл в Починки и учинил жестокую расправу над крестьянами, помогавшими пугачевцам грабить и жечь завод. Свели лошадей, «привели к повинению непокорных плетью под глаголем (виселица)» и восстановили полу-сожженный завод.

После большого пожара в конце 80-х годов 18-го века уездный центр был переведен из города Починки в село Лукояново, а Починки стали **заштатным городом**.

В период аракчеевщины в Починках появилось военное поселение для обслуживания Депо конногвардейского полка. В этот период на новом месте строится кирпичный конный завод. Его принимает смотритель, надворный советник **Карачаров**.

В. Г. Короленко, организовавший помощь голодающему крестьянству Нижегородской губернии, в 1891 году посетил заштатный город Починки.

Поташ – предмет экспорта и сырье для отбели полотна на заводах, получается из чернолесья, которое сжигалось в будных печах, из золы в котлах выщелачивается поташ.

Починок-Келеуштан – древнее мордовское поселение людей на месте современных Починок, что в переводе с мордовского означает – Починок у большой топи.

Починок-Леляев (старшего брата) – древнее мордовское поселение на речке Истырке (Стырша).

Починок-Камаев – древние мордовские поселения на речке Помалатке.

Пуре – пиво (эрз.).

Пургас – мордовский князь, владевший в начале 12 века землями к югу от реки Пьяны.

Сеидовка – первоначальное название села Сайтовки.

Сидор Бухвалов – монастырский слуга, руководил переселением монастырских крестьян из Переяславского уезда в Байково в 1641 году.

Троице-Сергиева Лавра – богатейший подмосковный монастырь (основан Сергием Радонежским в середине 14 века, лавра – с 1744 года). Этот монастырь был 31 августа 1632 года царем Михаилом Федоровичем жалован вотчиной в Арзамасском уезде – пустошью, где была мордовская деревня Старое Резоватье, пустошью Байковом Кирдянского (курляндского?) беляка и островом, что у «Кривого озера», и в Темниковском уезде пустошью Руднянской на речке на Рудне в обмен на пустоши Посохово, мельницы «Прибыловские и Фетисово» в Переяславском уезде (госархив за 1632 – 1795 годы).

Чам-Пас – верховное божество у древней мордвы, создатель мира.

«Черные знамена» – участок леса, ограниченный метами (условными знаками на деревьях) и принадлежащий определенному хозяину, занимающемуся бортничеством и охотой.

Ясачные – мордовские не закрепощенные крестьяне, у которых помещики-колонизаторы отнимали лучшие земли, платили царю ясак – подать деньгами и натурой.

Алёна

(поэма, 1969 – 1977 годы)

Вступление

Лет двадцать пять в душе носил я
Мечты каленое тавро,
Но не надеялся на силы,
Не брался долго за перо.
С годами делался яснее
Восстанья давнего пожар.
Я жил, боролся вместе с нею,
Российской Жанною дэ Арк.
Теперь Алёна – как живая,
Передо мной ее дела.
Я повесть смело начинаю,
И сердце бьется рифмам в лад.

Письмо

Обширен Арзамасский торг:
Мочало, лапти, хмель и сбитень,
Царев кабак, заезжий двор,
А рядом женская обитель
Твердыней высится. И вдруг
Калитка узкая с оконцем,
В котором слюдяное солнце
Скрывает девичий испуг,
Открылась, с посохом в руке
Вся в черном, строгая, прямая,
В обыкновенном клубуке
Идет, поклоны принимая,
Монахиня. Суровый рот,
Глаза – бездонные озера.
И расступается народ
Пред ней охотно и проворно.

Она проходит по рядам:
Кудель, кадушки и колеса,
Мужичий гул и бабий гам
Толпы живой, разноголосой.
Ей слышатся обрывки фраз:
- А Стенька, бают, близко...
- Саратов-город взял зараз...
- Пойдем!
- А ежель?..
- Не без риска...
И там, где через ров мосток,
Где торговали кислым квасом,
Взметнула в воздухе платок,
И – тишина над Арзамасом.

- Народ! Сегодня в божий дом
Пришел земляк. Он вместе с Разей
Ходил в поход за «зипуном»,
И ныне здесь народа ради!
Для вас он грамоту привез...
- Читай, читай!
- Эй, тише, люди!
- Влезай-ка, мать, на этот воз,
Виднее и слышнее будет.
Черница поднялась на вал,
Вперед склонилась гордым станом:
- Народ! Письмо Степан прислал!
Внимайте гласу атамана!

Людское море перед ней
Волнуется прибоем гнева,
Блится вспышками огней,
Как-будто грозное небо.
«Всей черни – пишет вам Степан –
Навстречу выслал я казаков.

Всех кровопивцев, всех дворян
Вам изводить отныне всяко.
Мои казаки бой начнут,
А вам, кабальным и гонимым,
Оружно поддержать их тут
Своим полком неодолимым».

Бумага свернута. Молчит
Толпа, к борьбе готова.
Как солнца вешнего лучи,
Людей преобразило слово.
- За дело правое, за мной!
- К нам в монастырские каморы!
Там справы много боевой –
Пищали, сабли, костоперы –
Лежит, боярам на беду...
Ворота настезь. Крик монашек.
Холопы ключницу ведут.
- Давай ключи!
- Нишкни. Знай наших!

Побили рыночных сутяг,
Менял и сборщиков проклятых.
Через Сорокинский овраг
Бегут ярыги-супостаты.
Стрельцы кричат: «Долой господ!».
В хоромы ворвались оравой...
Кто может удержать народ,
Поднявшийся на бой кровавый?
Сам воевода Шемуров,
В поварне взятый за опарой,
С Настасьиной был сброшен в ров,
На частокол гнилой и старый.

У белокаменных палат
Черница собрала отряды.
Приобретает стройность, лад,
Порядок грозная команда.
- На отдых всем сейчас пора.
Расставьте стражу вы повсюду.
В поход мы двинемся с утра...
Я ночевать в палатах буду.
Два выездновских мужика
Стояли долго на овраге,
Следя, как белая рука
Заметки ставит на бумаге.

- Алёна, ты?
- Была и есть!
- А вы?
- Шелудяков и Федин.
- Несите в Выездное весть
О нашей утренней победе.
- Кто Сидорова помнит ныне?
- Федяку? Помнят все, ей-ей.
В ту ночь он спрятался в овине,
Сбежал от смертушки своей.
Стал пушкарем. Да в войске тесно.
Прибился, слышно, к Разе в стан.
- Привез он грамоту прелестну
От батьки. Он ваш атаман.

А есаулов круг назначит.
Найдется ль справа, казаки?
Пищали, думаю, все прячут
В застрехах наши старики.
Из Арзамаса утром рано
Уйдем в мордовские леса,
Как в непроглядные туманы

От пули прячется лиса.
Спешите ж в Выездное вместе,
Доставьте атаману весть:
Я жду верхами всех на месте,
Пусть не срамят казачью честь.

Раздумья

Упала ночь на Арзамас,
Победой первой упоенный.
О чем же думает сейчас
Мать Марфа, а в миру Алена?
В казенной горнице одна,
На стенах тени, как живые,
И молча, слушает она,
Как вторят где-то часовые.
Утих народ. Посады спят.
Свеча горит, колебля тени.
Вот голова ее, на плат
Склонившись, падает в колени.

Алёнушка! Давно то было:
На вербе цвел девятый цвет,
Отца и мать взяла могила,
С тобой остался древний дед.
Его отец при атамане
Носил гусиное перо,
Хранил в сафьяновом кармане
Печать – червлено серебро.
Забыли все казачью волю,
Сокрылось прошлое из глаз.
Дед, ныне постарев для поля,
Носил лаптишки в Арзамас.

Он много сказок разных ведал,
Хранил их для тебя одной.

Певал он песни о победах
Над крымской дикою ордой,
О жизни вольной и веселой
И о боярской кабале,
Про Юрьев день, про новоселов,
Что появились на селе,
О грозных днях, когда жар-птицей
Летел Болотников к Москве,
Когда о воле мысль зарницей
У всех сверкнула в голове.

Скрипел сверчок на печке где-то,
Дед грамоте тебя учил.
А ты? Ты радовала деда,
Росла и набирала сил.
Сперва в селе смеялся всякий –
Сиротской доли вкус плохой.
В пятнадцать лет ты стала, пряха,
Кулигу раздирать сохой.
Потом, не уставая вроде,
Легко ходила по земле.
Тебя за песни в хороводе,
За пляску при честном народе
Все полюбили на селе.

Ты уважение снискала
Добросердечием своим:
С дедуней травы собирала,
Сушила, в снопики вязала –
Здоровье возвращать больным.
С тобой дружил еще с мальчишек
Сосед, Ивашка Железнов.
Посватался. Запой, девишник
И свадьба промелькнули сном...
Потом набат. Пожар в полнеба.

Как на ладони Арзамас.
Ах, если б он повешен не был,
То был бы вместе с ней сейчас.

Она припомнила ту ночь
И волчий вой, и рев бурана,
Когда она, несчастья дочь,
Простилась навсегда с Иваном.
Она припомнила лицо
И смех игуменьи горбатой,
Когда сняла с руки кольцо
И отдала его проклятой.
Свой послух вспомнила она –
Молитвы, пост, исповеданье.
Владыка ада, сатана,
Страшней не сделает страданья.

Под потолком горел шандал,
Шло пьянство дикое в трапезной.
Ее боярин жадно мял
Своей ручищею железной.
Она боролась, точно зверь,
Впилась зубами в горло ката.
А утром – за решеткой дверь,
Подвал, епитимья расплата.
Позднее прирожденный ум,
Труд тяжкий, воля, книгочтенье
Преодолели тяжесть дум.
Она снискала уваженье
Подруг по каторге своей.
Промчалось много-много дней,
Пока она не поняла,
Что жизнь ей может пригодиться,
Что к правде путь она нашла,

Что деда красная жар-птица
Избавит род людской от зла.

Починки

Чист, как слезиночка, Алатырь,
Войска напились, не спеша.
На Альзе встретила, как брата,
Алёна Янку-Мальша.
С ним из починков и усадов
Модва и русь в одном строю,
Готовы к смерти, если надо,
За правду жизнь отдать свою.
Был Янка Мал, кряжист и жилист,
С большой кудлатой головой.
Глаза его, казалось, жили
Совсем отдельно от него.

В них ум светился и отвага,
И знала Янкина ватага:
С врагами беспощаден он.
- В Починках, мать, уже с неделю
Егорка-управитель жмет.
Лазутчиков послал он в Пелю,
Они попали в наш умет.
Стрельцов за ним до сотни будет,
Десяток приказных ярыг.
Дрожат они, как вешки в бурю,
Мужицкий гнев куда велик!

Рубили мы по нашей силе
С корня боярские дубья,
В усадьбах сообща их били –
Никитинский, Петровы, я.
А на Починки – силы мало:
Силен пищалями стрелец.

А ныне времечко настало,
С твоим войском, мать, им конец, —
Так Янка говорил Алёне,
На строгий лик ее косясь.
Бок о бок их шагали кони,
И чавкала в болоте грязь.

- Не мать я, Янка беспокойный,
А боевой товарищ, друг.
Давно носила я повойник,
Недавно сбросила клобук.
Теперь на мне звенит кольчуга,
Я опоясалась мечом.
Имел ли ты такого друга,
Чтоб стать в бою к плечу плечом?
И улыбнулся хмурый Янка:
- Дружка такого не имел.
Расстрига, стало ты, беглянка,
Недаром лик твой дивно бел.

- Что было, уплыло туманом
И поросло седым быльем.
Я жду ответа от Степана —
Ударить по Москве вдвоем.
Я шлю ему людей в Саратов.
Его межа — моя межа.
Хочу с ним, словно с кровным братом,
Совет о будущем держать.
О том, как нам царя осилить,
Как все боярство извести,
Как силу дать народной силе...
Никак, Починки? Ну, прости.

- Гей, пушки! —
Воины без страха

Шесть пушек к Рудне подвезли,
И пушкари в одних рубахах
Зажгли кресалом фитили.
И грянул залп. Взметнулось пламя
Из окон расписных хором.
И прокатился над войсками
Набатный колокола гром.
Стрельцы за мостом бьют с колена,
Клубами валит сизый дым.
Едва пришла пищалей смена,
Картечь смешала их ряды.

Одна, в чешуйчатой кольчуге
(Коль с места перешли в намет),
С мечом в руке, подобно вьюге,
Алена вырвалась вперед.
- За мной! —
И пеший люд, и конный
На мост рванули вслед за ней.
А к мосту шла уже с иконой
Толпа огромная людей.
Ярыги и стрельцы удрали,
Мужицких пушек устрась.
Теперь до Сергача едва ли
Задержит их лесная грязь.

С высокого крыльца приказной
Алёна крикнула толпе:
- Наш атаман великий, Разин,
Вас волей жалует навек.
В костер кабальные бумаги
Тащите все из сундуков!
Вступайте, мужички, в ватаги,
Ведь Русь сильна от мужиков!
На площади большой за мостом

Толпа, как будто бы во сне,
Глядела, как ее холопство
Сгорало в яростном огне.

Как пепел ветер нес за Рудню,
И он садился в топь, в уштан...
А между тем похода будни
Спустились на сермяжный стан.
Там сотники в войска верстали
Из сел починковских парней.
С завода конского пригнали
Табун кауровых коней.
Зерно из рубовых амбаров
В кулях на мельницу везли.
В бочкарне подбирали тару
Под мясо. Только знай соли.

Боярский скот – быков, подтелков –
На бойне забивали впрок.
Алёна по-хозяйски, с толком
Вершит отрадных дел поток.
А Милославский пусть ярится
В Москве, восставший люд клянет.
По вотчинам его жар-птица
Летит, награбленное жжет.
Наутро войско чинно, строго
Уже оставило село.
Через Наруксово дорогой
Оно на Темников ушло.

Оно в лесах непроходимых
Исчезло, как в пучине лал.
Лишь Янка Мал, судьбой хранимый,
Дорогу в Пеле оседлал.
Ему Алёна указала

Имать бояр, дьяков, гонцов
И отпустила вместе с Малым
Она полсотни удальцов.

Темников

Водица в Мокше холодна,
Светлы окрестные озера.
С кургана древнего одна
Алёна видит жданный город.
Валы, посадки и кресты –
Соборный там, Николы рядом,
Овраг Санбег, а в нем кусты –
Прикрытие ее отрядам.
У Барышнова табор-стан.
За Ендовище, – через гати,
Повел Федяка-атаман.
В обход взяла часть пешей рати.

Через ореховую поросль,
Сев на коня, лесной тропой
Алёна едет в табор свой.
Поутру бой, а утро скоро.
С рассветом подняла Алёна
Свои мужицкие полки.
Санбегом поползли зеленым
Ее отборные стрелки.
Подковой развернулись пушки
Литыми жерлами к стене,
И показалась на опушке
Сама на вороном коне.

На ней кольчужка мелкой вязки
Красиво облегает грудь,
Клинок черкасский на привязке
И шлем, помятый саблей чуть.

Прекрасное лицо сурово,
Спокоен взлет крутых бровей.
Она пытливо смотрит снова
На сонный город перед ней.
В посадах ни рожка, ни звука,
По храмам бродит тишина.
За Мокшей торопливо никнет
Напуганная днем луна.

Повеял ветер с Безымянной.
Чу, выстрел! Грохот, шум и гам.
Пригнулся к седлам полк стремянный,
Рванулись руки к палашам.
Трут – на кремень, огниво в руки –
И пушкари команду ждут...
Минуты медленно ползут...
Вдруг меди разъяренной звуки
Волнами полились, звеня.
Алёна радостно вздохнула,
Платком узорчатым взмахнула
И шагом тронула коня.

В сопровожденье есаулов
И выездных казаков
К воротам прямо повернула
Она ряды своих полков.
Ворота распахнулись настежь,
И из ворот навстречу ей
Побитых, связанных, дрожащих
Толпа вела дворян, князей.
Поп Савва невысок, но жилист,
Подрясник латаный на нем.
Орлиные глаза светились
Испепеляющим огнем.

- Челом Алёна, мать святая,
Тебе бьет город Темников!
Подарок – душегубцев стаю
Прими от наших мужиков:
Князь, воевода Еникеев
С женой и выводком волчат,
Стрелецкий голова Фадеев
И дьяк, да тройка поддьячат.
Суди по-божьи их, проклятых,
Что заслужили, то воздай.
Беда, коль хоть один из катов
Живьем отыдет невзначай...

Алена, речи гневной внемля,
На землю спрыгнула с коня,
Народу поклонилась земно
И так, крестясь, произнесла:
- Поклон земной вам, добры люди,
Сам Тимофеевич прислал.
Он пишет, что великим будет,
Кто был при них забыт и мал.
Они, бояре, – ваше дело.
Народа суд есть божий суд,
Вы сами здесь решайте смело,
Мы вашу волю справим тут.

Стих ветер. Затаились веси.
Насторожилась неба синь.
Толпа дохнула: «Всех повесить!»,
И Савва произнес: «Аминь!».
Войска вошли без боя в город
И разместились на постой.
Ввела Алёна быстро, споро,
Как и везде, казачий строй.
Казна, пищали, пушки, зелье,

Соль, кабаки и кожзавод –
Все, закрутившись каруселью,
Попало Савве на учет.

К амбарам, складам и лабазам
Охрана встала. Беднякам
По атаманскому приказу
Делили хлеб по едокам.
Признали новые законы
Все темниковские стрельцы.
А утром приползли с поклоном
Попы, монахи и купцы.
Купцам сказала: «Что ж, торгуйте.
Вам Бог – не совесть, а пятак.
На верность крест святой целуйте,
А хлебец ваш мы делим так.

А вам, отцы мои, для паствы
Молебен надо отслужить,
Благословить святое братство
И по Христову слову жить».
К стрельцам она на площадь вышла:
- Стрельцы! Народу иль царю
Служить хотите?
- Мы, что дышло!..
Об этом я и говорю.
Седой стрелец спокойно, смело
Шагнул перед Алёной в круг:
- У нас торговля захирела,
Ремесла выбили из рук.

А воевода, будь он проклят,
Год кормовые не платил.
Питаемся ботвой и свеклой,

Детишки выбились из сил.
С тобой пойдём в огонь и воду,
Поможем батьке взять Москву.
- Готовьтесь, молодцы, к походу,
Пусть круг назначит голову.
Казачий коренной обычай
Алёна знала с малых лет.
Она в палате городничей
Военный созвала совет.

Вдоль стен расселись есаулы,
Вокруг дубового стола.
В дверях застыли караулы.
Алена медленно вошла
В привычной ей одежке бранной,
Прикрытой рясою едва,
За поясом пистоль чеканный,
В руках бунчук и булава.
С ней Федор, рыжий, точно пламя,
В заморском алом зипуне,
За богатырскими плечами
Два парня спрячутся вполне.

Склонившись низко стройным станом,
Алёна выпрямилась вдруг:
- Здорово, братья-атаманы!
Все ль ныне собрались на круг?
- Все тут!
- Чай мы не лыком шиты!
- Пора, Иванна, начинай!
- Враги в уезде все побиты!
- Молчи, Петруха!
- Незамай!
- Спасибо вам, друзья и братья,
За службу верную в бою.

Без вас не в силах удержать я
На плечах ношеньку свою.

Вы и надежда, и опора
Посадов, сел и деревень
Пришли сюда для разговора
О том, что ждет нас через день,
Через неделю, через месяц,
Как нам бояр побить верней,
Как нам угрозу заприметить
Вперед на сто десятков дней.
Сегодня осень бродит в поле,
Дожди секут поблекший лист.
Мы здесь перезимуем что ли?
Иль, будет первопуток чист,
Ударим санною дорогой
На Кадом?

Федор: я на том стою –
Московский царь объят тревогой
За власть державную свою.
Его страшит сынок Алексей,
Что с батькой встал за голыдьбу.
Иль, атаманы, нам не лестно,
Что с нами делит он судьбу?
Вечор гонец привез нам вести,
Что Бярятинский снова бит.
Что убежал он от бесчестья,
На Нижний батьке путь открыт.
А из Алатыря Урусов
Утек с войсками в Арзамас,
Куда явился Долгоруков,
И силу копит там на нас.

Я думаю, прикиньте сами,
Темниковский бурелом

Нас охранит от вражьей брани,
Как в непогоду отчий дом.
- Да, Федор прав!
- Тут укрепиться!
- Здесь! – дружно крикнул круг.
- Быть так. А я хочу проститься, –
Алёна вымолвила вдруг.
Вы войско, между тем, учите,
Как строим двигаться в бою,
Как пики ставить при защите,
Пищали заряжать в строю.

Я на недельку вас покину,
Поди, не ждет меня Степан.
Свои задумки с ним прикину.
Вот без меня вам атаман.
И Федор молча поклонился,
Блеснув рыжинок злым огнем.
Гул по палате прокатился:
- Езжай, Иванна!
- Признаем.
Простившись с городом, войсками,
Закрывши чернью стан и грудь,
Алёна с конными стрелками
Немедля трогается в путь.

Приступ

От Арзамаса северяк
Бураны гонит на дорогу,
И громоздятся на большак
Горами синие сугробы.

За Ельниками встал обоз,
Стрельцы по пояс в снежной каше,
Ругают князя и мороз,
И грудью снег тяжелый пашут.
Ведет на Темников стрельцов
Князь-воевода Долгоруков,
И беспощаден, и суров,
И дружит с бранною наукой.

«Колдунья бурю навела
Своей волшебной черной книгой», –
И князь «крестит» ее со зла
Проклятой господом расстригой.
Но что войска ее, как дым,
Вдруг исчезают, он не верил,
И что подземные ходы
Ей открывают сами звери.
Он вел бывалые полки,
Что вместе с ним поляков били
От берегов Москвы-реки,
В своей не сомневался силе.

«А эту... Эту ждет костер.
У вора-старицы проклятой
От страха помутился взор,
Да будет воля божья свята», –
Так думал беспокойный князь,
Пока метель кружила злая,
В остуженном возке трясясь,
Пути-дороги проклиная.
На Темников упала тьма.
В метели Мокша утонула.
Алёна в эту ночь сама
Обходит всюду караулы.

Она в дубленом шубнике
Платке пуховом, легких пимах,
С дубовым посохом в руке,
Бодра, свежа, неутомима.
Князек настырен и умен.
Метель и ночь ему подмога.
По сказкам, войском он силен,
Да позамешкался дорогой.
- Смотреть! Всю ноченьку следить!
А подойдет – держись друг дружки.
Полкам на вал всем выходить,
И бить из пушек по опушке,

Ты, Федор, остаешься здесь,
Я, чаю, не задержат сваты.
Пойду, черкну Максиму весть,
Чтоб ждал гостей к себе в Алатырь.
Тих ночью воеводский дом,
Дрожат под окнами три клена.
В светелке малой за столом
С пером в руке сидит Алёна.
Пред ней кусочки бересты
И два листа бумаги грубой,
Задумчивы ее черты,
Чуть-чуть полуоткрыты губы.

Ей, право, нынче не до сна,
Хотя она за день устала.
О чем же думает она,
Склонившись на руку устало?
Уж не о том ли, что Степан,
Порубанный драгунской саблей,
Долгонько не залечит ран,
Что силы без него ослабли?

А ведь, как будто бы вчера
Она в застолье с ним сидела
И убеждала, что пора
Идти им на Москву приспела.

Что ждет его мужичья Русь,
Давно готовая на битву...
Вот почему тоску и грусть
Не заглушает и молитва.
И, медленно макнув перо,
На бересте выводит белой:
«За дело правое на кровь
Пойду, благословясь, я смело!
За волю, землю и за Русь
На бар я безымянной встану.
Я пуль горячих не боюсь,
Своей боярина достану».
Слова по бересте бегут,
Ложатся точно на бумагу,
А утром до людей дойдут,
В сердцах у них зажгут отвагу.

Уж поп молебен отслужил,
Солдаты и стрельцы вздохнули:
Сугробы в памяти свежи,
Они страшней, чем посвист пули.
Пред ними город и тепло,
Полштофа, блюдо щей и каша.
Мужичьи пушки, как назло,
Огнем опушку леса пашут,
Сам воевода на коне
Стоит у сруба недалече,
Жалея, что ответить нечем.
Его усталые полки
К полудню заняли исходы

Вдоль всей опушки до реки
И ждали знака воеводы.

Труба запела. С трех сторон
Колонны двинулись на стены.
Набат над городом, как стон,
Предупреждающий измену.
Картечь свинцовою косою
Рейтар, стрельцов валит и косит,
И пуль мужицких дождь косою
Их прибивает на покосе.
Не выдержав, стрельцы бегут
От стен горячих в чащу леса,
Бросая камни на бегу,
Сухой камыш и связки лестниц.

Вослед несутся им смешки,
Брань, крики, свист и хохот:
- Вам с бабами играть в снежки!
Видать, позавтракали плохо!
Князь Долгоруков ус седой
Кусает, морщась от досады:
- Щербатов, протруби отбой.
По пушкам бить из пушек надо б...
Кто их пушкарь, вам несыскать.
Возьмем сей град, повесим вора.
Глаголи пусть готовит кат
Вон там – кивнул он на пригорок.

Вторые сутки длится штурм,
Доклады слушает Алёна:
- Осталось ядер триста штук.
- Панкрата сбили и Левона.
- Купецкие сынки бегут –
Двоих поймали у приречья.

- Попы, Ивановна, плетут,
Что в храмах враз погасли свечи.
- Попался Саввушке монах,
Ходил по стенам, сеял смуту
Он в человеческих сердцах,
Что ты с нечистым в родстве будто.
Поп Савва стал гроза грозой,
И допросил его с пристрастьем.
Монах признался под лозой,
Что послан княжескою властью.
Подняв прекрасные глаза,
В которых жемчугом застыла
Ее невольная слеза,
Она, крестясь, проговорила:
- Бог видит, братья, не впервой
Враги отравой души ранят,
Клянуся Троицей святой,
Что невиновна перед вами.

Кипит смола. Летят гонцы.
Алёна чутким ухом слышит,
Что есаулы и бойцы
Спешат использовать затишье.
Как и вчера, сегодня днем
На стены двигалась лавина,
Густым сметаема огнем,
И снова показала спину.
Отбили штурм. До сей поры
На стенах армяки и шубы
Лежат. Зачем-то топоры,
Весь день звеня, стучат у сруба.

И, к лесу устремивши взгляд,
Бойцы увидели с тревогой:
Чернеют виселицы в ряд

За арзамасскою дорогой.
- Аль испугались угроз
Цепного кобеля, ребята?
Аль кровь заледенил мороз?
Аль дело правое не свято?
Холопов царских мы побьем,
А воевод всех там повесим.
Народ не утратить дубьем!
А ну, давай веселых песен!
И песня, вспыхнувшая вдруг,
По стенам дружно побежала,
А есаулов всех на круг
Алёна спешно собирала.

Измена

Живые в воеводский дом
Сошлись и затворили сени.
Расселись кое-как, с трудом,
Кто на скамье, кто на коленях.
- В тяжелый час держать совет
Я собрала вас, атаманы.
Что будем делать? Ядер нет.
Стрельцы сготовили тараны.
Уж тлеет в городе пожар
Измены черной в каждом слове,
И неожиданный удар
Купчишки в спину нам готовят.

Подумайте же, как спасти
Войска и жизнь всего народа.
Когда отрезаны пути...
Что делать? Говори Феодор!
Встал атаман, под потолок
Навис несокрушимой глыбой.
- Мне, есаулы, невдомек

Почто молчите вы, как рыбы?
Я думаю, что есть один –
Единственный, но верный выход:
Махнуть с войсками через тын,
Прорвемся, аль погибнем лихо.

Прорвемся – путь в Мокшанский бор,
Краснослободск возьмем с налета...
- Согласны мы!
- Какой тут спор!
Алёна встала: «За работу!
Собрать людей в один кулак
Сей ночью к слободской дороге.
Там нас не ожидает враг.
Чтоб не зажечь его тревоги,
Бойцам...»
Стекла раздался звон,
И сразу стало тихо-тихо,
- Измена! Сабли из ножен! –
И Федор бросился на выход.

С тяжелым камнем-дикарем
Ворвался в избу пар морозный.
Толпы донесся дикий рев,
Проклятья, выкрики, угрозы.
Алёна с саблейю в руке
Вослед за Федором рванулась,
Без полушубка, налегке,
За ней вдогонку есаулы.
Крыльцо широкое, как ток,
Стонало, жалобно скрипело
Под тягой кованых сапог,
На нем сраженье закипело.

Снопами падали тела,
Уж места для размаха мало.
Ручьями кровь с крыльца текла,
А вражья сила прибывала.
Знать сыновья дворян, купцов
Родились в черную годину –
По трупам лезли на крыльцо
И смяли воинов былинных.
Перевязав цепями их,
Хоть окровавленных, но страшных,
Проволокли едва живых
Через Санбег к Стрелецкой башне.

Войска встревожились: беда!
Лазутчики ползут по стенам:
- Спасайтесь, люди, кто куда!
- Погибла мать!
- Кругом измена!
Смешалось все. Бегут войска.
Куда? Зачем? Никто не знает.
Плотину так размыв, река
Все на своем пути сметает.

Казнь

Кругом снега, снега, снега.
Свежо. Оттепила погода.
С обрывком цепи на руках
Она стоит пред воеводой.
Под шубой золотом блестит
На князе дорогая ферязь.
«Печален атаманши вид, –
Глядит он, веря и не веря –
Какая ж старица! Она
В Москве красой бы всех затмила,
Хоть на висках уж седина,

И ждет ее сейчас могила.
И взгляд у ней открыт и смел,
В глазах – душа: чиста, прекрасна.
С такой бабенкой между дел
Часок-другой побыть опасно.
Иль это тоже колдовство?
Вишь, приуныли человеки.
Что ж, ныне это естество
Святой огонь пожрет навеки».

Так думал князь. Он видит страх
На лицах воинов и свиты,
Хотя красавица в цепях,
И удалцы ее побиты.
Вот богатырь висит, вот поп.
Не дрогнув, в петли влезли сами,
Перекрестив по-русски лоб,
Она ласкала их глазами.
«Пора! В ней видно есть силенка.
Как вольно дышит эта грудь,
Небаловавшая ребенка!».
И князь, нахмурившись, сказал
Отчетливо, негромко, строго:
- Вор-старица! Я долго ждал.
Слилась моя с твоей дорога.
И прежде, чем последний шаг
Шагнет на смертном перекрестке
Твоя безбожная душа,
Ответствуй, слышат пусть березки,
Какою силой ворожбы
На воровство подъяла смердов?
Они, презренные рабы,
Рабами будут и посмертно.
Открой свой тайный наговор,
Поверь, нам это будет любо.

Потом свершится приговор –
Сгоришь, прикованная к срубам.

Алена, светлая лицом,
Вперед шагнула, цепью звякнув:
- Прости, господь, перед концом!
Ну, слушай, царская собака:
Я не колдунья! Я не лгу!
Огнем грозишь – снести все муки,
Не устроясь, я смогу,
Чтоб вольны были наши внуки.
Сказала все. Пали костер!
Вы, люди русские прощайте!
Точите на бояр топор,
И нас, погибших, вспоминайте.
Палач огонь поднес в упор,
Над срубом заиграло пламя.
Сама поднявшись на костер,
Алёна вспыхнула, как знамя.

Примечания:

Булава – палка, палица с шаром или утолщенная на конце, служащая некогда военным оружием.

Бунчук – конский хвост на древке, как знак власти.

Глаголь – виселица, которая обычно ставится в виде буквы «Г».

Ендовище – озеро на окраине города Темникова.

Епитимья – церковное наказание.

Кат – палач.

Клобук – высокий монашеский головной убор с покрывалом.

Кулига – участок земли.

Нишкни – умолкни.

Овин – строение для сушки снопов.

Пистоль – пистолет.

Пищаль – старинная пушка или тяжелое ружье.

Повойник – старинный головной убор русской крестьянки – платок, обвязываемый вокруг покрытой головы.

Расстрига – священнослужитель, исключенный из духовного звания или добровольно вышедший из него.

Рейтар – солдат кавалерии.

Сафьян – тонкая, мягкая кожа.

Сбитень – горячий напиток из меда с пряностями.

Сутяги – тяжбы.

Тавро – клеймо, выжигаемое на теле животного.

Таран – древнее стенобитное орудие.

Умет – окоп, редут, сторожевой приют со рвом и валом.

Ферязь – старинная русская распашная одежда без воротника.

Ярыга – низший служитель в приказах, выполнявший полицейские функции.

Бударин

(рассказ старого колхозника, поэма)

У нас был охотник Бударин,
Волчишек бивал прямо в лоб –
Не барин, а вроде как барин,
И будто совсем не холоп.
Он жил не в избе, а в палатах –
Четыре оконца в сад,
Железная крыша горбата,
За ветлами скрытан фасад.

Двенадцать ступенек по счету
Вели на резное крыльцо,
На стояке для охоты
Привинчено было кольцо.
К нему он привязывал свору
Борзых длинноногих сук.

Они подчинялись без спора,
Скрывая в глазах испуг.

Высокий, могучий, костистый,
Усы, крючковатый нос.
Болтали, что сам нечистый
Играет с ним, чур меня, в штос!
Что проигрыш платит дичиной –
Наводит Бударин ружьё,
Что прячется он под личиной
Жены, – так болтало бабьё.

Жену его, крест целую,
Никто не видал на селе.
Один только Петька Балуюв
Рассказывал навеселе,
Что пьяный до синего звона
Мотался по улицам он,
Упал и проснулся от стога,
Не стон – колокольный звон.

Глядит, у проклятого дома
Лежит, невредим он и цел,
А на крылечке знакомом
Стоит без кровинки в лице
С поднятыми скорбно руками
Ведьмачка, в рубахе до пят,
Бела, как ирсецкий камень,
Глаза незакрытые спят.

Балуюву – небо с овчину.
Крик в горле застрял, точно ком,
Черёзовым стал мужчина
И вдоль порядка бегом.
Потом у Лексевны-шинкарки,

Хватив Ерофеича штоф,
О встрече с женой Бударки
Расписывал до петухов.
Бабёнки ходили послушать,
Не удержал их пост:
- Ей-Богу, кошачьи уши,
Рога, волосья и хвост...

Я, парень в те годы забитый,
Был Господом Богом забыт,
Просеян сиротским ситом
В ночёвках сухой нужды.
Отец мой головушку отдал
За Русь на турецкой войне,
Беднела семья год от года.
Хозяйство держалось на мне.

Мои дорогие сестренки,
Босые, и в стужу, и в зной,
Мечтали о коровёнке
И осенью, и весной.
Мне было всего пятнадцать,
Росточком обидел Бог,
Умел за чапиги держаться
И лапти плести уже мог.

Сосед наш, бобыль Трофимыч,
Слепой колченогий старик,
Мне отдал на целую зиму
Кремневый свой дробовик.
Учил он меня толково
Зарядке, прицелу, стрельбе,
Хрипел: коль подстрелишь косого,
Поделишься – мне и себе.

И стал я охотником справным
На зависть парням из села,
Бродя по лесам и дубравам,
Удача меня нашла.
Трофимыч был сыт и ухожен,
Лицом не ударил я в грязь.
Через годочек, похоже,
Со мной бедовуха стряслась.

Ну, ладно, что будет, то будет,
Скажу, ничего не тая,
Об этом не знали люди:
Бударке завидовал я.
И зайцы, и волки, и лисы,
Пернатая всякая тварь
Его подпускали близко –
Стреляй, потроши и жарь.
Он жарил, коптил и парил,
Десятками шкурки дубил.
На зло, видно, мне Бударин
Удачлив и ловок был.

За Рудней вёхова стыла
На несколько сот десятин.
Трясина её, как могила,
Пропал в ней смельчак не один.
За час до рассвета в субботу
По чередку озимых
Отправился я на болото
Крякуш добывать жировых.

На воду с осенних поженок
Летели они на заре,
В тумане садились дружно
И плавали, как в серебре.

Ружьишко, мешок за плечами,
В руках двухсаженная жердь.
Дорогу проведаль я днями
По кочкам на малую твердь.

Там загодя в зарослях ивы
Сухого настлал камыша,
Макушки связал крапивой
В подобие шалаша.
И вот я иду осторожно
По кочкам, ни зги не видать.
А на сердце, ух, как тревожно:
Сорвешься – наплачется мать.

Трясина бурчит и вздыхает,
Пускает – буль-буль! – пузыри.
Над Шалангою мелькает
Полоска, предвестник зари.
- Скорее! – Шагнул, поскользнулся,
И кочка пошла под ногой,
Не удержался, метнулся,
На кочку, а кочка дугой.

И шест не находит опоры,
Не видно ни корня, ни пня,
Барахтаюсь молча, и скоро
Трясина схватила меня.
И в душу вливаясь жутью,
Пошел по болоту гул.
Холодная жижка по грудь мне...
- Спасите! – кричу. – Караул! –

Хоть знаю, никто не поможет.
Сковал меня смутный страх.
Мурашки бегут по коже,

Молитва стынет в устах.
И кажется мне, что слышу:
- Держись! Эй! Иду я, иду! –
А ветер осоку колышет,
Мою, отпевая беду.

- Иду! – в темноте раздается, –
Земфира взяла твой след. –
А сердце вот-вот разорвется,
В глазах помутился свет.
И скоро утятницы морда
Возникла в кромешной тьме,
Залаяла умно и гордо
В лицо, ошалевшему мне.

Спаситель явился неслышно,
Огромный, как истукан.
Немедля минуты лишней,
Мне бросил татарский аркан.
Тащил меня, точно дворняжку,
На ближний сухой косогор.
Сорвал одежонку, из фляжки
Спиртным грубовато натер.

Лафетник работы чеканной
Наполнил потом до краев:
- Пей духом, уткарь окаянный! –
Понятно, я выпил без слов.
И вот я раздетый, разутый,
Глотая огонь и дым,
Зубами стучу не на шутку,
Покрытый кафтаном чужим.

Купальница пышет жарко,
Вздывает искры перезвон.

Поодаль сидит Бударка.
А был это, братцы, он.
На кольях трепещет одежда,
Валежник трещит сухой.
Тепло, разливаясь по коже,
Навевало мне покой.

Проснулся я, солнце уж встало,
Дул ветер с Никитина злей.
- Ну, парень, тебе досталось,
Клади под рубаху углей.
Вернешься, попарься в баньке.
Как имя твоё, паренёк? –
Я тихо ответил: Ванька,
По прозвищу – Мотылёк.

- Кремневка твоя устарела.
Дерьмовое, Ваня, ружьё.
Придешь вечерком между делом,
Тебе подарю я своё.
Замолк он. Оделся я, сидя,
Подбросил в купальницу сушь,
Привстал и в сторонке увидел
Десяток матёрых крякуш.

Покуда я дрых беспробудно,
Один он ходил зоревать.
С собакой ему не трудно
Подстрелянных собирать.
Земфира дремала для вида,
Мордашку на лапы склонив.
Бударин сидел, как идол,
Спокоен и молчалив.

Он встал: вот, возьми половину,
Домой нам пора, браток.
Пусть matka утопшему сыну
Нажарит утятинны впрок.
И я не посмел отказаться,
Боязнь хороня в груди.
За Рудней, где надо расстаться,
Он тихо сказал: приходи.

Мы вечером сели за ужин.
Маманя хвалила меня,
Что я, мол, других не хуже,
Мужаю день ото дня.
Не вытерпел я и родимой
Поведал, готовясь ко сну,
Нелегкою тайной томимый,
Как я на болоте тонул,

Кто вырвал меня из трясины,
Кто спиртом натер и согрел,
Кто, точно родному сыну,
Одежду сушил на костре.
Вздыхала она и крестилась.
Я слышал её впотьмах:
- Минуй нас нечистая сила,
Рассыпья врагам на страх.

- Но только бывало ли это,
Чтоб спас православного враг?
Он в прорубь толкнуть со света
Безгрешную душу рад.
- Твой дедушка баял, бывало,
Что на болтливый роток
Не то покрывной полушалок,
Не кинешь и лёгкий платок.

Болтают бабёнки, вестимо –
Усатый Бударка – ведьмах.
Сосед наш, Михайла Трофимыч,
Мне сказывал как-то не так.
Ты утресь снеси ему утку
И расспроси все, как есть,
Послушай его прибаутку
Про нашу девичью честь.
Про жизнь нашу страшного много
Расскажет убогий тебе.
Я думаю: чудо от Бога.
Противиться надо ль судьбе?

Трофимыч сидел на лежанке,
Совал табачище в нос,
Когда я ему спозаранку
Паленую утку принес.
Снял шапку, косясь на икону,
И крест положил на живот,
Присел у ларца на попону,
С запинкой спросил, как живет.

- За утку спасибо, Ивашка,
Заботлив, принес до зари.
Какая случилась промашка?
Ну-ну, говори, не хитри.
Мне стало и душно, и жарко,
Слеза покатила из глаз...
- Скажи, кто такой Бударка?
Меня он от смерти спас.

Трофимыч понюхал. Рукою
Провел по седой голове.
- Понятно. Будь, паря, покоен:

Бударин – святой человек.
Согнулся, отбросил веник,
Нюхнул и чихнул еще раз.
Потом опершись о колени,
Повел, не спеша, рассказ:

- Мы экономные были,
Казенной приписки народ,
Овсы и сена отвозили
Кобылам на конный завод.
Раз помню, кажись на Успенье,
Хлестнула кобыла хвостом:
Парней молодых в услуженье
Потребовал граф Пото.

Пото был полковник усатый,
Лошадник, охотник, питок.
Кувалдой своей волосатой
Он конюха сваливал с ног.
Достался мне жребий тяжелый
Идти на завод от села.
Сначала берейтора школу
Спина моя знатно прошла.

Потом угодил я в людскую,
Глотал толокно и дым.
Так стал я, о доме тоскуя,
У графа Пото ездовым.
Летали мы с барином в Нижний
И в Пензу, и в город Инсар.
А чаще всего, поближе –
В именья богатых бар.

А там и балы, и бабёнки,
И карты, и травля волков,

И добрые конские гонки,
И пунши до петухов.
По селам же смерть бродила,
Какой-то был черный мор.
Взяла моих близких могила,
Один я, Ивашка, с тех пор.

И скоро во храме казённом
В присутствии всех конюхов
Гнусарил нам поп обозлённый
О воле для мужиков.
Я сразу домой воротился.
Пустою стояла изба.
Жениться хотел – не женился,
Земля, видно мне не судьба.

Пошел я на рюминский хутор,
К помещику в кучера.
Старик обращался круто,
Хоть кончилась их пора.
Могутный был Рюмин старый,
Да ноги подагра свела.
В Починки он ездил парой,
Но только вокруг села.
«Обязанных» видеть не мог он
И злобно кричал: «Кошкодрал!»,
Ругался, охальничал, охал,
И в спину мне кукиш совал.

И жил среди рюминской дворни
Не парень, а просто орёл –
Силач и охотник проворный,
И где только силу обрёл?
Бывало, задок у коляски
С поклажей и стариком

Один заносил без тряски
На повороте крутом.

Кафтан у него с галунами,
Венгерка с опушкой зимой.
И кушать садился не с нами,
А был, говорят, крепостной.
Старик в нем души не чаял,
В отъезжие – только с ним.
Вино там лилось ручьями,
И шёл коромыслом дым.
В коляску он Рюму уложит
И гаркнет над ухом: «Живей!».
От крика его под кожей
Мороз пробирал до костей.
Узнал ли ты, паря, Ванюшка?
Бударин, а был это он,
Снимал старика с подушек,
Ещё погружённого в сон,
И в горницу барского дома
Тяжелого нес старика...
С тех пор мне Бударин знакомый,
Знакомей, чем Рудня-река.

Жениться задумал Бударин.
Согласны дворецкий и дочь.
Согласие выдал барин,
Нахмурившись, точно ночь.
Чеканный серебряный пояс
Охотнику он подарил.
Три тройки под свадебный поезд
Запрячь лиходея разрешил.

В Никитине, в церковке тесной
Поп запросто их окрутил,

И свадебный поезд с песней
Помчался, что было сил.
У входа осыпали хмелем,
Уселись, смекай, за столы,
Загрохотало веселье,
Ан, горюшко рядом стоит.

Во флигеле дверь нараспашку.
В двери старый барский лакей.
- Невесту веди, Ивашка,
К барину поживей.
Жених побледнел, как покойник,
Глаза воспалились огнем.
Сорвал он фату и повойник
У Маши, сказал: «Пойдем».

Что было у них там, не знаю –
На свадьбе я малость подпил.
Но утром в каретном сарае
Он Машу до смертушки бил.
Долгонько она не вставала,
Полгода бродила, как тень.
Замолк наш лихой запевала
И ждал, не настанет ли день...

Подкрался ноябрь морозливый,
Наш барин на хутор Лесной
За зайцем отправился живо,
С ним верный его стремленной.
Охота удачу сулила.
В разгаре осеннего дня
Какая-то страшная сила
Помещика сбила с коня.

Рассказывал егерь дворне,
Что грянул он вниз головой,
Попал под дубовые корни,
Домой не доехал живой.
Из Питера Рюмин последний,
Обрадованный, прискакал.
Бударина вызвал наследник,
Поднес ему водки бокал,

Пожаловал «катенек» пачку:
- Тебя отпускаю. Рад?
И вечером через Начку,
Бударин уехал в Усад.
Построил себе палаты,
Садок рассадил на горе.
С тех пор они смотрят закаты,
Тоскуя о детворе.

Скажу я тебе особо
Сейчас вот, один на один:
Бударины в горе оба
Святее, чем поп Константин.
Сбыл Рюмин именье купчишке.
Богатый купец Ненюков
Держал меня двадцать с лишком
Объезженных вдоволь годов,
Пока слепота не сразила,
Вернулся домой и я.
С Будариним через силу
Избенку срубил для жилья.

Иди к нему с ясной душою.
Как сын, ты его почитай.
Сердечко его золотое,
А Маше – дорога в рай.

Но тайну, что я поведал,
Храни от лихих людей.
А я уже скоро отъеду
Пасти у Христа лошадей.

Под вечер по гумнам и межам
К Бударину, пряча лицо,
Прокрался я в смутной надежде
И поднялся на крыльцо.
На псарне собаки завыли,
Воронье закаркало враз,
И мысль о нечистой силе
Ей - Богу, кольнула тотчас.

- Мотыль, – я себя огорошил,
И стало вдруг стыдно мне. –
Не веришь ты людям хорошим,
А веришь бабьей брехне.
Я смело взялся за щеколду,
Дверь тихо открылась. В сенях
Запахло вареной полбой,
Только что снятой с огня.

Шапчонку я сбил на затылок
И сбросил опорки с ног,
Нащупавши дверь, что есть силы
Рванул и шагнул за порог.
Большая горящая лампа,
Колпак на ней, как бирюза,
В лицо мне ударила прямо –
Закрыл я невольно глаза.

И слышу: никак, Ванюшка?
Пришел? Проходи, садись.
Эй, Маша, оставь подушку,

На крестника погляди!
Глаза приоткрыл я немного:
Бударин сидит, как гора,
А возле копченого Бога –
Лампада – букет серебра.

В рубаше, широкой и белой,
Без пояса, с книгой в руках
Сидит он. А я несмело
Стою. – Не валяй дурака!
Снимай полушубок, дружище,
У двери повесь на гвоздок.
Ты гость дорогой, а не нищий,
Переступивший порог.

И вот поднялась занавеска.
Из горницы вышла она,
Прекрасней, чем лик чудесный
Русалки, восставшей со дна.
Но только, скажу между нами,
Меня не тиранил страх.
Заметил у ней под глазами
Круги, седину в волосах.

Глаза мне уставились в душу,
И столько в них было тепла!
- Ну, здравствуй, наш крестник Ванюша! –
И рученьку мне подала.
Рука была нежной и слабой,
Упала бессильно, как жгут.
Я думал: «Проклятые бабы
От зависти, что ли врут».

Сидели мы долго за чаем.
Пел песни свои самовар.

На блюдец я дул отчаянно,
Тая на щеках пожар.
Она расспросила с улыбкой
О доле сиротской моей,
О тятё, погибшем под Шипкой.
От ласки я стал посмелей.

- Зови меня мамой Марусей.
Никто меня так не звал...
И безысходною грустью
Дышали её слова.
Я знал, что она не шутит.
Бударин сосал чубук.
Мне плакать хотелось до жути,
Но я закусил губу.

Домой возвращался я ночью,
Неся на плече ружьё,
Двустволку, резные замочки.
Бударин сказал: твоё.
А мама Маруся на шею
Пуховый надела мне шарф.
- Носи, он сердечко согреет,
И радостней будет душа. –
Я думал, какие люди
Живут среди нас на селе!
Добра их никто не забудет
И через тысячу лет.

Однажды, день был хороший,
В преддверии русской зимы,
По первой осенней пороше
За зайцами двинулись мы.
Долинами вышли на Пелю.
Смешно: великан и дюймач.

Борзые на своре кипели –
Не попадайся, косач!
Поднялись на изволок малый.
На межах сухой сорняк,
Какой-то зайчишка лежалый
Не зря растревожил собак.
Залег он. Снежок-то мелкий
И заячьей правдой храним,
Он брызнул. И пегая Стрелка,
Опешив, рванулась за ним.

Поля между рощей и лесом
Забрали у нас полдня.
Пяток я на пояс повесил.
Учитель поболе. Меня
Усталость качала за плечи.
Длиннющей казалась верста.
Катился к Ореховой вечер
Позёмкой сухого листа.

Бударин сказал: пошабашим
И засветло встретим дом.
Добытчива первая наша
Охота с тобою вдвоём.
Неспешным охотничьим шагом
К Усаду мы шли напрямик.
Задержанные оврагом,
Ломали пушистый целик.

Над Рудней вышли на тропку,
Дубки показались как раз.
Бударин меж тем неторопно
Охотничий вел рассказ:
- Немало повидал я люда,
Под самым, считай, Орлом,

Его не увидишь отсюда, –
Есть, Ваня, большое село.
Живёт в нём писатель Тургенев,
Охотник, каких не сыскать.
(Смотри, как ложатся тени
На Рудню с холмов. Благодать!).

О нас, мужиках и дворовых,
В охотничьих сказах он
Правдивое вымолвил слово
В ответ на мужицкий стон.
Орловщина – край урожайный.
Земля там от жиру поёт.
Посеет оглоблю хозяин,
Глядишь, и телега растёт.

Но мир там живет не в сале,
Бедует, как в наших краях.
Помещики землю забрали,
Лютуют мирянам на страх.
Тургенев несчастных увидел:
Калиныч умён, хоть и тощ,
Арина в смертельной обиде,
Лукерья – живая мощь,
Мальчишки с Бежина луга,
Где спящая ночью река,
Тумана лиловая вьюга
И розовые облака.

Лет десять назад, или боле,
Пошел я к нему на поклон
Делиться сердечной болью
О Маше моей. Только он,
Сказали, живет за границей,
На родине душно ему,

Уехал, сказали, лечиться,
От горя, видать по всему.

Я в Спасском увидел жилище, –
Так небольшой флигелёк,
Как рюминский, только почище,
И там положил я зарок:
Все, что добуду ружьишкой,
Сиротам на жизнь отдавать.
С тех пор приютским детишкам
Я стал, как родимая мать.

Рассказом его зачарован,
Я, молча, шагал и шагал,
Снежок разошёлся снова,
Скользила по насту нога.
А крестный сказал: так негоже,
Негласен ты, будто пень,
Читать и писать не можешь,
Не знаешь, где свет, где тень.
Давай-ка займемся. Маша
Азам тебя будет учить.
Ты съел уж немало каши,
Довольно в потемках бродить.

Зима нам давала дичину,
За день настреляем ягдташ.
В четверг на базаре в Починках
Возок осаждали наш.
А вечером с мамой Марусей
Я «аз-буки-веди» твердил.
Чтоб вылечить маму от грусти,
Старался, что было сил.

Букварь одолел я быстро
И «Слово родное» постиг.
Мой голос гремел, как выстрел,
Мелькали страницы книг.
И годы мелькали глухие.
Женился я. Мать схоронил.
По-прежнему гнули выи
Крестьяне без прав и без сил.

А мама Маруся вскоре
Угасла, как в небе звезда.
Согнуло Бударина горе.
- Ивашка, сказал он, – беда.
Уйду я, добавил он тихо,
Зовет меня сам Дурново
В именье к нему. Здесь мне лихо.
Не тронуться б головой.

Последний разок на базаре,
У воза, оставив меня,
Куда-то ушел Бударин,
Вернулся к исходу дня.
С ним барин, серьёзный и видный,
Смотревший открыто в глаза,
Мне руку пожал солидно,
- Безводненский, – тихо сказал.

-Ты, Ваня, меня не стесняйся,
Я в школе учу ребят.
Что надо, ко мне обращайся,
Помочь тебе буду рад.
Бударин добавил: науку
Мою, дорогой, не забудь.
Пожали учителю руку
И тронулись нехотя в путь.

Бударин мурлыкал песню,
Что мчался на быстром коне...
- Держись за учителя, крестник, –
Сказал на прощание мне.

Он отдал мне сад и палаты,
Поднес старшине за труды.
На проводах горечь утраты
Глаза мои ела, как дым.
Тревожное время настало.
Как туча, свинцовел народ.
Скотины осталось мало –
Засуха, ветра, недород.

В Ивашевку, стало быть, в гости
Я ездил к нему на блины.
И он приезжал. На погосте
Сидел до заката луны,
Взбирался в седло казачье,
Коня горячил, а затем
Дуплетом по гнёздам грачьим
Стрелял и скрывался в темь.
Лишь топот коня, удаляясь,
В груди отзывался моей,
И ветер, за тучи ныряя,
Ночь тёмную делал темней.

Так жил я, как прежде. Охоту
Гаврила, сынок, полюбил.
Один уходил по субботам,
И лис, и волков уже бил.
Бударина книжки давно я
По несколько раз перечёл.
И, веришь, не знал покоя
Я – наподобие пчёл.

Они вместе с солнцем за взяткой
Летят из улья каждый миг,
А я, книголюбец завзятый,
Нектар собирал из книг.
Я книги искал повсюду,
Безводненский мне доставал
Малюсенькие из-под спуда.
В них трудные были слова
Про жизнь, про войну и про горе,
Про Николашку царя,
Пролившего целое море
Народной кровушки зря.

Однажды, в Починках базаря,
Купил я баранины фунт
И услышал, что Бударин
В остроге сидит за бунт.
Попался мужик иззяблый,
Ивашевский, прозвищем Жбан.
Полштофа, как водится, взял я.
Он пил за стаканом стакан.

И шепотом пьяным поведал,
Как поднял Бударин их,
Как миром снопы до обеда
Возили с господских нив,
Как петуха подпустили
К помещицъему добру,
Как барскую землю делили
Саженками поутру.

Как пала на них полурота,
И свистнули шомпола,
Как били их до икоты,

И кровь на лужайку текла.
А после избитых, в оковах
Погнали в лесу штыков,
Погибнуть за мир готовых
Десятка два мужиков.

Передний – Бударин. Народу
Он крикнул: займетса заря!
С тех пор они канули в воду.
На каторге, говорят.
Я бросился к школе знакомой
И стукнул, как надо, в окно.
Кухарка сказала из дома:
- Уехал. Уехал давно.

Глядел я, не видя, на площадь,
На лавки, ряды и собор.
Не помню, как сел на лошадь.
Очнулся – усадский бугор.
Не пьяный я был, а в забытье.
Горе лишило сил.
Как жаль, что мой крёстный учитель
До праздника не дожил.

Май – октябрь 1972 года. Починки.

Примечание к поэме:

Безводненский Александр Павлович – учитель
Починковского городского училища.

В 1905 году был создан в Починках пропагандистский
кружок, связанный с арзамасской группой большевиков.
Организатором и руководителем кружка был Безводненский.

Вёхова, вероятно, от слова вёхъ – трава пустырник
(глухая крапива).

Начка (ранее Аначка) – река около села Никитино.

Чапига – деревянный состав плуга.

Чур меня – не трогай меня, я в стороне.

Штос – немецкая, азартная игра, схожая с банком.

Ягдташ – охотничья сумка для дичи.

Крестьяне села Никитино (фотография сделана до 1917 года)

Флаг моего детства

*П. Н. Чекушину, персональному пенсионеру посвящается
(быль)*

Торопится солнце к закату,
Негреющим дышит огнем.
Играют в футбол ребята,
Не зная о детстве моем,
О детстве моем беднячком,
С мечтою о хлебе ржаном,
С желаньем до крови драться
С дебелим кулацким сынком.
Прорвала забвенья плотину
Упрямая память моя –

Развертывайся картина
Забытого всеми житья.

Никитино наше у Бога
Проклятое было село:
Ходило оно по дорогам
И заступом землю скребло.
Кошатниками в народе
Презрительно кликали нас,
Помещик лишил нас угодий,
И ели мы редьку, да квас.
В окошках торчала солома,
От хлеба несло лебедой,
Струился из каждого дома
Слезами соленый удой.

Война обездолила семьи,
Под окна погнала людей,
Посеяла горькое семя
Сиротского горя детей.
Несли похоронки солдаткам,
Австрийцы ходили в шинок,
Бивали их рекруты там,
За что, никому невдомек.
Никитино жило сторожко,
Без песен и смеха, во мгле.
Лишь к школе бежала дорожка,
Лаптями шурша по земле.

Стояла на площади школа,
Амбары – невдалеке,
Плетень, два раздвинутых кола
И тропка Шукшова к реке.
Поодаль пожарка с навесом,
С танцующей каланчой –

Здесь бегало наше детство,
Не балованное калачом.
И каменным наваждением
Собор на площадь давил,
И клирным церковным пением
Лишая Никитина сил.

Товарищ мой, Палька-Лиза,
Затейщик и балагур,
Крестил полушубок – ризой,
Гонял у просвирни кур.
Поповских боялся трогать:
Был долгогривый зол
И запросто именем Бога
Мог в табель поставить кол.
Когда же блеснули зарницей
Вести о феврале,
И лики царя и царицы
Сжигали на гулком костре,
Он первым снимал их с гвоздицей,
Из печки таскал угольки
И, прыгая через кострище,
Худые спалил портки.

Надежда Иванна смеялась,
А после к себе увела,
Заплатки к штанам пришивала,
Хоть строгая очень была.
А я с колченогова стула
Кричал – нам, ребята, жить,
Да так, чтоб назад не вернулся
Кровавый царский «прижим».
Об этом кровавом «прижиме»
Услышал я в сельской вечор,
Сметая в махорочном дыме

Окурки, бумажки и сор,
Наброшенные стариками,
Что, скорчась, сидели у стен,
Мычали, трясли бородами,
Боясь роковых перемен.

Надежда Иванна согласно
Кивала мне головой,
И взгляд ее, честный и ясный,
Меня обдавал теплотой.
Сказала отчетливо, строго:
- Убийца был царь и урод.
Туда ему и дорога.
Кончайте. Пора на урок!

- Надежда Иванна, родная,
Хоть минуло много годков,
Добром я тебя поминаю,
Как тысячи учеников,
Шагавших вослед за тобою
По жизни лет пятьдесят.
Ты стала нашей судьбою,
Судьбою детей и внучат.
Людьми ты нас быть научила,
Читать и писать, и решать,
И помнить, что знания – сила,
Коль вложена в них душа.
Пусть знают об этом страны,
Где небо и солнце щедрей,
И помнят Надежду Иванну
И кланяются ей.

В ущербе скудное лето,
Отмолотилось село.
Заврагом, сентябрьским ветром,

На хутор солдат принесло.
Натруженными руками
Тянули они пулемет.
Винтовки у них со штыками.
Сказали, что полувзвод.

Тут слухи пошли по избам,
Что где-то землю...ей-ей!
Что никитяне издавна
Шукшову считали своей,
Что Степка прибыл Лисёнков
Из города к ближней родне,
И что в материнской избёнке
Беседы ведёт о войне,
Что ходят к нему на сходку
Калеки-фронтовики
Уверенною походкой,
Как ходят все «большаки».

И что голова у них – «Ленин»,
Степанов будто бы – кум,
И что кумово повеленье –
Землю отдать мужику.
Что людям труда заедино:
Штык в землю – и мир навсегда,
Что подошла година
Победы святого труда.
И ночью осенней, на зорьке,
Родился бедняцкий Совет,
Глядящий окошками зорко
На белый никитинский свет.

И флаг над крыльцом высоким
Кровинкой горел на ветру,
Давая поступкам истоки,

Входя полноправно в игру.
Игра – интереснее нету –
По взмаху чумазой руки
От школы до Волсовета
Мы бегали вперегонки.
В игру мы вносили отвагу
И душ своих детских жар:
Кто первый коснется флага,
Тот будет старшой комиссар.

Далекое милое детство!
Лишь тают следы на снегу...
Хочу, как бывало, надеяться,
Что первым я добегу.
Тебя, стариковски щурясь,
Я вижу, как будто во сне,
Ты и в затишье, и в бурю
Флагом сигналило мне.
Флаг детства! По трудной дороге
Его, не сгибаясь, я нес,
Ему поверял все тревоги
Под звоны утренних рос.

На курьих ножках избенка,
Завражная немочь и глушь.
Отсюда в дырявой шубенке
Я бегал в стозвонье стуж.
Нас трое: Ванюшка, маманя
И я – опора семьи.
Отец мой был дважды ранен,
Сражаясь за лапти свои.
И вот он в шинели измятой
Живым воротился с Карпат
С винтовкой, сумой и гранатой.
Я был по-мальчишески рад.

Маманя помолодела,
Блеск появился в глазах.
Любое домашнее дело
Горело у ней в руках.
Рассказывал он об окопах,
О смерти со всех сторон,
И о парнях из Европы,
Братался с которыми он.
Я слушал его, цепenea,
Мать ахала, чашкой звеня.
Стоглавым горынычем-змеем
Война ползла на меня.
Глаза закрывая от страха,
Я видел огня накал:
Папаня мечом с размаха
Головы ей отрубал.

Потом он боролся с нами
Мы с Палькой смеялись до слез,
Взвиваясь кверху ногами
И падая на навоз.
А утром «полных двенадцать»
Степенно вносил я в класс,
Стараясь взрослее казаться
Под пулеметами глаз.
Попа уже не было в школе –
Вымели, будто сор.
Молитве по собственной воле
Мы вынесли приговор.

От печек веяло жаром,
Гремел за звонком звонок,
И таинство продолжалось –
Шел за уроком урок.
Третий, четвертый, пятый...

Последний, срывались с мест...
- В нардоме сегодня, ребята,
Премьера спектакля «Лес».
И вечером там, где Стефеев
Поил мужиков «не затак»,
На сцену с волнением глаза,
Смотрели мы новый спектакль,
В коварных купцах узнавая
Филоновых и других,
И хлопали, не уставая,
И поднимали гик.

Отец мой стал предкомбеда,
Он твердо ходил по земле.
И стали его мироеды
Побаиваться на селе.
Сидел он на первой скамейке
С Лисёнковым и Лукой,
У ног помещались Андрейка,
Я, Палька и Пашка-Косой.

Прошло с той поры больше года,
И – вверхтормашки весь свет:
Земля отошла народу,
И хутора барского нет.
Коровники и конюшни,
Машины, повозки и скот,
Господский домина и службы,
И сырню, и спирт-завод
Разграбили. Все сожжено.
Столь ярость была велика.
Спасали оставшихся жены
Махотками молока.

У власти – Совет большевитский –
Араев и Новиков.
В ячейке Лисёнков учиться
Заставил всех бедняков.
«Заставил» – плохое слово,
Им грамота стала нужна
Для жизни стремительно новой,
Радостной, как весна.
Их, старых, Надежда Иванна
Учила по вечерам,
И видеть нам было странно
За партами пап и мам.
А живоглоты зубами
Готовы всем глотки порвать.
Недаром не спим ночами
Ни я, ни братишка, ни мать.

Солнце о тучу споткнулось
Своей золотой головой.
По улице с поля тянулись
Подводы со свежей травой.
И мужики на рыдванах,
Махоркой вонючей дымя,
Мурлыкали песни о странах,
Загадочных для меня.
Трансвааль, как живой, не из книжки,
В воображенье плыл,
Ползком босоногий мальчишка
Нес ящик с патронами в тыл.

Тогда, на исходе мая,
В дыхании первых гроз
Мне линия вышла прямая –
Отцу помогать всерьез.

Он, только подъехавший с поля,
Мне тихо шепнул: «Павло,
Беги в одночасье к Оле,
Покуда еще светло».
У Яничкина в примачках
Племянница Оля жила.
Нам с нею один задачник
Надежда Иванна дала.

Отец продолжал: «Там бояры.
Запомни, о чем говорят,
У Мишки они недаром
Гуляют ни свет, ни заря.
Ты понял?».
- Всё понял, папаня.
- Лети, да тетрадь не забудь.
Себя, подгоня локтями,
Я рысью прошёл весь путь.
Едва на дубовый порожек
Занес я дырявый сапог,
Как Олин братишка Сережа
Запел, будто я женишок,
И что-то такое про тесто,
Да вышла из горницы мать:
- Олюнька ему не невеста, –
И проводила гулять.

Стеклянные двери настезь.
И вижу я ниже икон
Жующие жадно пасти
И слышу стаканов звон.
Глотая от запаха мяса
Слюну, я прошел по избе.
Знакомых признал я сразу,
Монахов не видел нигде.

И чушь городя про задачу,
Всей кожей ловил голоса...
- Ты просто болван, не иначе,
Здесь три с половиной часа, –
Сердито пищала Оля.
- А ведер сто двадцать. Дошло?
Огрызок чернильный мусоля,
Я думал: «Кажись, повезло».

Куда-то спрятался ветер,
Ложилась на улице мгла.
И ночь, прогонявшая вечер,
Уж первые звезды зажгла.
По гумнам я шел, задыхаясь,
Тропинка двоилась в глазах.
Споткнулся – примета плохая,
Но хуже – томил меня страх.
Отец наклонился к копчушке
С газетой в чёрных руках,
Коврига пред ним и кружка
Парного еще молока.

- Ну что?
Я сказал – кулаки там...
Грозятся нас истолочь,
Но так, чтобы шито-крыто,
На Троицу, значит, в ночь.
Монахи, их три, папаня,
Сказали: «Разбудит петух».
Обрезы и бомбы в баню
Они сложили к попу.
Их привезла в боженице
«Оранская божья мать».
Сначала – пойдут молиться,
Потом большеяков убивать.

Один – не монах он, вроде,
Хоть ряса висит на плечах,
Хозяин «его благородьем»
С почтением величал –
Сказал: «О, святая икона,
Яви свое чудо нам!
Поведай, что пишет Антонов
Никитинским мужикам».
И чудо свершилось: сбоку
Тайник расхлебянил зев,
Бумагу оттуда извлек он
И прочитал нараспев:
- Поклон из тамбовского края
Я шлю вам без лишних слов.
Из большевитского рая
Я вызволить вас готов.

Ведь их, коммунистов – горстка,
Российскую землю губя,
Петлею из продразверстки
Они задушат себя.
Кто утром посеет ветер,
Тот в полдень пожнет грозу, –
Подниметесь вы на рассвете.
Оружие подвезут.
Забудьте сомнения, споры,
Тоску, одиночество, страх, –
Я с войском великим скоро
Прибуду в ваши места.

«Союз трудового крестьянства»
Мы ставим на тысячу лет.
Конец большевитскому чванству!
Святее задачи нет.
Антонов. Понятно, братья?

Пока не сердить гольтепу.
На Троицу всех, без изъятия –
Писать в поминанье к попу.
Собраться у Колядова.
Петух закурекает в три.
Оружие будет готово.
Село же пускай горит».

Отец посуровел с виду,
Сжал зубы, аж, скулы свело.
- Не будет у них панихиды
По власти Советов, Павло!
Спасибо за верную душу.
Ну, мать, прощевайте пока.
В ячейку я. Гриша Горбушин
К Луке отвезет, в Чека.
За пазуху, к самому сердцу
Сунул папаня наган.
Ушел. Только хлопнула дверца,
Залаял соседский Цыган.

Мать плакала втихомолку,
Крестилась, как будто со зла,
Хоть истовой богомолкой
Она, отродясь, не была.
С колючей и черной коврижкой
Я козье хлебал молоко.
Крепился... Ведь я мальчишка!
Но слезы катились рекой.
Я знал, что дрожали громилы
От крепкого слова «Чека»,
И думал, аж темя ломило:
- При чем же здесь дядя Лука?

Лука? Он поправде хороший,
Простой, как отец, бедняк,
Бывало, что хлеба ни крошки
У них не бывало два дня.
Тогда Солуяниша Маня
Бежала по гумнам к нам,
И добрая наша маманя
Делила, что есть, пополам.
Ходили за ним ребятишки,
Кричали ему: «Лука!
Бессеребряник! Слышь-ко!
Почем на базаре мука?».

В ответ он подмигивал глазом,
Казалось, нельзя веселей.
«Мука?» – отвечал он не сразу, –
«Недорого, по пять рублей».
Таким был Лука Солуянов,
По прозвищу «Совесть села».
Уехал он в Лукоянов.
- Дела, Никола, дела, –
Шутил он, с отцом прощаясь,
Смакуя спирта глоток,
И ложку с постными щами,
Как все, положил на кусок.
Я видел в дорожной пыли
Растаял дядя Лука...
В ту ночь мы с маманей решили:
Лука – это значит Чека.

Весеннее небо чисто.
Над рощей седая мгла.
Легли на опушке чекисты,
Пока еще роща спала.
И липы, расправив плечи,

Встали над ними в дозор.
И только сороки щебечут,
Веселый ведут разговор.
За кочкой у самого края,
На пень, опираясь рукой,
Лука в бинокль озирает
Пригорок над Кардаской.

Из-за пригорка дорогой,
Купаясь в лучах и пыли,
«Оранская» едет на дрогах,
Оклад золотится вдали.
Монахи, держась за икону,
Идут возле самых дрог,
И старки, ну чисто, вороны,
Порхают у них из-под ног.
Лука оглядел всех дважды.
Заметил – без картузов
Идут степенно и важно
Яничкин и Колядов.

Отстали уже никитяне
У дураковской межи.
Поп Федор сучит локтями –
Знать, пот по спине бежит.
Вот стала дорога тенистей –
Деревья по сторонам.
Поп ахнул: «Спаситель! Чекисты!».
И начался тарарам.
Жужжали свинцовые пчелы,
Ахало эхо в лесу.
- Сдавайся! – и голос веселый
Добавил: «Всех разнесу!».

Монахи дрались бесновато,
Но скоро остались без ряс.
Патроны, обрезы, гранаты
Сложили горой в тарантас.
На кровных с конвоем в Починки
«Оранская божья мать»,
Лишённая страшной начинки,
Отправилась отдыхать.
Лука захватил «понятными»
С собой и кулацкую знать –
Три ночи в махорочном дыме
В подвале пришлось коротать.

А после домой отпустили,
Улик, говорят, не нашлось.
Советской покорные силе,
Они затаили злость.
Поп Федор пропал без вести –
Банька его подвела.
Обрезы с папаней вместе
Мы отвезли из села.
В Починках меня наградили –
Штаны и рубаха в разлив.
Мне сунул матрос Василий
Полфунта сушеных слив.

Мы ехали шагом обратно,
Телега на кочках тряслась.
Отец говорил непонятно,
Что диктатура есть власть
Крестьян-бедняков и рабочих,
Сильнейшая сила из сил,
Что Ленин на съезде очень
Ту дружбу крепить учил.
Ночь двигалась вместе с нами

И тьмой окружала нас,
Манила домой огнями
И прятала их тот час.

На небе мерцают Стожары,
Огнями дразнит село,
И нет ни стрельбы, ни пожара,
Когда обезврежено зло.
Спускаемся с горки к оврагу,
Под мостом журчит Кардасок,
Въезжаем в Тулуповку шагом,
И дом наш уже не далек.
Глядим: розовеют дали,
Деревья чернеют, как лес,
Дома силуэтами встали
На фоне горящих небес.

- Пожар, никак? Эй, Павлуша!
Вишь, церковь освещена.
Не мы ли, язви твою душу,
Ведь мать там совсем одна!
Папаня привстал на колени,
Дома побежали назад,
Ломались их черные тени,
Гремел, не смолкая, набат.
Касатка летела, как пуля –
Ломовка, пожарка, Совет,
Как призраки, промелькнули,
Стал ярче мятущийся свет.

В конце нашей улицы топот
И грохот, и крики, и стук,
Огня шепелявый хохот,
Шипящей воды испуг.
Толпа раздалась и ... о боже!

Не помню, зная обмер я...
На золотистой рогоже
Маманя лежала моя
Обугленная и сырая...
Ванюшка сидел и дрожал,
И не по-детски икая,
Маманю за руку держал.

Бабенки смотрели уныло,
Как в небо уходит искра.
Соседка над матерью выла,
Как будто родная сестра.
Отец почернел.
- Как нам... Где нам...
Что делать, что делать теперь?
И Гринька, по прозвищу Демон,
Сказал: «Заложили дверь
И борону на окошки
Повесили зубьями вне.
Во, видишь? Еще немножко,
И глаз распорол бы мне».
Но парни его позвали.
Отца окружил весь Совет.
- Они не её плановали
Отправить на ентот свет...
- Крепись, председатель, поможем...
- Хоть тяжело, но надо жить...
- Наматывай на руки вожжи,
Натягивай крепче гужи.

Бабы, согнавши скотину,
Сошлись у колодцев, как в клуб,
Тужили:
- Легла на холстину
Во искупленье селу...

- Святые, слышь, всё сотворили.
- Святые, а сколько зла!
- «Оранская дева Мария»,
Слышь, снова брюхата была?
- Брюхата, а я не слыхала...
- Святая, а тоже туда.
- Село, говорят, поджигала,
На пойме травила стада...

- Ни дева она – потаскуха,
Молиться ей стыдно до слёз...
- Сказала мне наша старуха:
«Сыми и выкинь в навоз».
- Слышь, Яничкин вместе с нею
Путался, супостат...
В аду ему, лиходею,
Икнется сто раз подряд...
А поп, кобелина рыжий,
Рожать ее в баню пустил.
- Дитё, говорят, из Парижу,
Да ныне оно без сил...

Сегодня без скромности ложной
Скажу я о времени том:
Такой пропаганды безбожной
Не выдумает никто.
Маманю похоронили
С флагом моим, без попов,
И в колокол не звонили,
«Вы жертвою» пели без слов.
А дни все бежали. Вдогонку
Летело им детство мое,
Подстегивая лошаденку,
Через полынь и жнивье.
И флаг над крыльцом высоким

Кровинкой горел и звал
Далёко, далёко, далёко,
На новый крутой перевал.

Май – октябрь 1978 года. Починки.

Пояснения (от М. Фуфаевой):

Война под окна погнала людей – то есть, заставила просить под окнами милостыню.

Махотка – кашничек, маленький горшочек.

Надежда Иванна – учительница никитинской школы Надежда Ивановна Климова.

Просвирня – женщина, занимающаяся выпечкой просфор.

Сторожко – осторожно.

Трансвааль – бывшая провинция в ЮАР.

Чекушин П. Н. – Павел Николаевич Чекушин, уроженец села Никитина. В газете «Колхозная жизнь» от 1977 года о нем говорится следующее.

Павел Николаевич – один из организаторов первых колхозов в области. Он – сын крестьянина-бедняка. В пятнадцать лет – комсомолец, рабселькор, в двадцать два – член партии.

П. Н. Чекушин – организатор первого никитинского колхоза, участвовал в борьбе с единоличниками. А потом было раскулачивание. И снова полные ненависти глаза мироедов, готовые съесть заживо, встречали Павла и его друзей. И однажды эта ненависть обрушилась на Чекушина, ставшего к тому времени председателем колхоза.

Шла пора хлебозаготовок. Обоз из Никитина только-только отправился, как вдруг на него напали бандиты. Павел был жестоко избит. Спасли его работники политотдела районной МТС, возвращавшиеся откуда-то на машине. Павел потерял слух и стал инвалидом. Но он продолжал многие годы работать председателем колхозов Никитина, Дивеев-Усада.

Павел Николаевич Чекушин писал стихи, рассказывал долгожитель Сергей Павлович Чекушин. (Павел Николаевич Чекушин приходился двоюродным братом отцу Сергея Павловича – Павлу Сергеевичу). О колхозной жизни в 1930-е годы Павел Николаевич написал книгу-воспоминание. Он отвез ее редактировать в город Горький. Человек, который должен был перечитать книгу, заболел. Со временем материал Чекушина пропал.

Смерть матери Павла во время пожара – выдумана Рожалиным. Но подобное, рассказывали, происходило в селе Никитино в другой семье каких-то Чекушиных.

«Золотой»

Внуку Саше

Я прожил жизнь, стихи слагал,
Учил детей, крепил колхоз.
И я уверен: жизнь другая
Мне принесла бы много слез.
Мальчишкой не был я примерным.
Бывало, дрался сгоряча.
Вступил из первых в пионеры,
Как раз в год смерти Ильича.

Я к тете Наде на все лето
С восторгом детским уезжал.
Её добро, её приветы
И взрослым я не забывал.
Она жила при старой школе,
Я у нее любимцем рос,
Купаться бегал, ездил в поле,
Любил жнитво и сенокос.

И как-то, обестыжев вроде,
Я взял, как пяточок простой,

Открыв шкатулку на комодке,
У тети Нади «золотой».
И спрятал. И ссутулив плечи,
Скрывая краску на лице,
Сидел я с нею в этот вечер
На школьном стареньком крыльце.

Вечерние лежали тени.
Тянулось стадо из конца.
Под самой нижнею ступенью
Того горбатого крыльца
Запрятанный пятирублёвик
Палил мне ноги, как огнем.
Я вздрагивал, сдвигая брови,
И думал только лишь о нем.

А тетя Надя не смеется:
- Ты, парень, зеленой травы,
Ты на Ярилу у колодца
Облился с ног до головы.
Отправлю я тебя в Починки,
В больницу надобно тебе...
А я молчал, текли слезинки
И по щекам, и по губе.

Наутро дедушка Мякинин
Увез меня и пять рублей.
Мне горько было, что отныне
Мне не открыть родных дверей.
Я дома стал здоровым сразу
И тут же – к другу. Лёнька мой
Икнул, как будто баба «сглазу»,
Увидев круглый «золотой».

- Нашел.
- Куда его мы денем?

- Не знаю.
- Слушай, завтра днем
Рубашки новые наденем,
Вместях евреям отнесем –
На Горке, окнами мигая,
Облезлый двухэтажный дом
Стоял гнездом. Евреев стая
Пищала, щебетала в нем.

В него мы крадучись нырнули,
Попали в грязный коридор,
В котором, будто караулил,
Старик-еврей нас с давних пор.
- Кого вам, дети? – начал строго
Еврей, прижавши нас к груди.
- Нам это... вам продать немного...
- Продать? Занятно. Заходи.

- Нашли – сказали мы.
- Не враки?
Ведь «золотой» у королей...
Мы вышли красные, как раки.
Нам отвалил он сто рублей.
Мы у Политова в лавчонке
Купили пробок, пугачей,
Два фунта колбасы копченой
И пышных белых калачей.

Под мостом, сидя на стропилах,
Мы с Лёнькой ели колбасу,
А доедали через силу.
Но надо есть. И съели всю.
Потом болотом и задами
Прошли мы, как весенний гром,
И подняли пиратов знамя
У нас, на озере Большом.

Пальбу открыли мы из пушек.
- Ура! На абордаж пошли...
Но оторвал нас от игрушек,
Низвергнув с неба до земли,
Суровый голос, лучший самый,
Такой знакомый и родной,
Взволнованной любимой мамы:
- Тебе, сынок, пора домой.

Я шел за мамой, пачка денег
Под сердцем жгла мою ладонь,
Как ватные, тряслись колени.
Я плакал: «Мамочка, не тронь...».
И дома честно и открыто
О всем я маме рассказал.
Ужаснее, чем быть избитым,
Казались мне ее глаза.

Соседка маме рассказала,
Что денег куча у меня,
Что их она сама видала
У озера средь бела дня.
Взяв деньги, мама наказала:
- Смотри, из дома ни ногой.
Захочешь есть, отрежешь сала...
Проходит час, за ним другой.

Но вот калиткой кто-то хлопнул.
Шаги ее уже в сенях.
Сердечко бешеным галопом
Забилось, обгоняя страх.

А мама в комнату входила
С улыбкой горькой и родной.

Вошла и сразу положила
На стол проклятый «золотой».

- Ты завтра сам, назад не глядя,
Пойдешь в Никитино один.
И все расскажешь тете Наде.
Отдашь ей это. Понял, сын?
- Да, понял, – я ответил маме,
Её решением убит...
А утром шел один полями,
Скрывая в сердце страх и стыд.

Но я дошел. Признался. Отдал
Неприподъемный «золотой».
И с той поры чужого сроду,
Клянусь, не брал своей рукой.
Я жил трудом, стихи слагал
С шестнадцати неполных лет,
Вошел во плоть родного края,
Учитель, коммунист, поэт.

Декабрь 1979 года. Починки.

Медвежье сало

На склоне лет о детстве шалом
Воспоминания свежи.
Я помню, как медвежьим салом
Намазал лошади гужи.
Об этом вычитал я в книжке.
Не может быть, – подумал я –
Нет ли в рассказе о топтыжке
Обыкновенного вранья?

И любопытство растравляя,
Наплел я Лёньке все, что мог,
Когда его отец с Невляя
Медвежью тушу приволок.
Упёрли сала мы на пару
Фунтишка полтора с лихвой,
Когда на Масляну с базара
Подводы ехали домой.

Мы на крыльце уселись школьном
И ждали, позабыв игру,
Не завернет ли кто неволью
На опыт к нашему двору.
И вот в засаленной шубенке
Подъехал, не спеша, к крыльцу
Мужик на карей лошаденке
И привязал ее к кольцу.

Она стояла у калитки,
Уткнувшись в вятель головой.
Лежали в розвальнях пожитки –
Кадушки, пахталка с резьбой,
Кошель, вязанка тощей воблы,
Чапан и конопляный кнут...
А мы глядели с Лёнькой в оба
И ждали несколько минут.

Нет мужика. Летят мгновенья.
Карман медвежье сало жжет.
Ворочаясь от нетерпенья:
- Скорей, скорей! Сейчас придет!
Нет мужика. Где он, мы знаем.
Проверка поручёна мне.
А он сидел у нас за чаем
И дул на блюде в пятерне.

Я, заикаясь от волнения,
Невнятно буркнул: «Лёнька, я...»
Рванулась без оглядки в сени
Душа преступная моя.
И вот я мажу до отказа
Гужи. Но лошаденка вдруг
Рванулась, задрожала сразу.
Я сало выронил из рук.

Эх, как мы с Лёнькой удирали
Через ограды напрямик.
Будь у саней, и то едва ли
За нами бы поспел мужик.
А лошадь, звякая подковой,
Неслась, летела во весь дух
Домой, в родное Дураково,
Швыряя в стороны испуг.

Стонали сани на раскатах.
Кадушки крикали, звеня,
И пена хлопьями, как вата,
Летела по ветру с коня.
За Шишадеевом с размаха
На снег он бездыханный пал.
Над ним поохать и поохать
Сошлась базарников толпа.

Ругали старого Илюху –
За грех мой наказует Бог –
Сбесилась у него Карюха,
И он сдержать ее не смог!
Подъехал на чужих, на дровнях
Хозяин, с горя сам не свой,
Худой, согнувшийся, бескровный,
И встал, поникнув головой.

Рукой, мозолями покрытой,
Он труп коня перекрестил,
И так стоял над ним, убитый,
Лишенный мужества и сил.

Так шалость, глупая и злая,
Обезлошадил семью.
Давно я это понимаю,
И пониманья не таю,
Хотя оно совсем не ново:
Хочу, чтоб в бурях наших дней
Не превращалось злое слово
В медвежье сало для людей.

8 ноября 1978 года. Починки.

Пояснения:

Вягель – кошель для сена, сплетенный из веревки или прутьев.

Гуж – кожаная глухая петля в упряжи.

Чапан – крестьянский верхний кафтан, стеганка.

Володька

(поэма)

К нам Ника до звонка проник,
Сверкая головой:
- Вот, дети, новый ученик.
Возьмете вы его?
- Возьмем! – Он поднял пегий перст:
- Ну-с, Кузнецов, друг мой,
Свободных парт, как будто, нет.
И посадил со мной.
На первой я один сидел

(Я близоруким был)
И одиночества удел
Легко переносил.

Сел новичок. Дырявый свитр,
В руке тетрадей ком,
Штанов неповторимый вид,
И ноги босиком.
Все говорило мне, что он
Мальчишка явно свой,
Что нужен с ним обычный тон,
Сердечный и простой.
Я не ошибся. Через день
Мы подружились с ним.
За мною он ходил как тень,
С желанием одним:

Скорее всё и вся узнать,
Чтоб действовать верней,
А сам не уставал свистать
«Купался Уверлей».
Отец его был ветврачом,
При ветбольнице – дом,
Со школой рядом. Прямоком
Он в школу приходил.
Мне по секрету он сказал,
Что мать – ему не мать,
А мачеха. Её глаза
Умеют в пот вгонять.

Его родная умерла
Чахоткой в Черновском,
И Вера, старшая сестра,
Заснет таким же сном.
А мачеха сварлива, зла,

Не любит их она.
Такие, Сашка, брат дела,
Ты должен это знать.
Томуська с Димкой – те её,
Живут, как барчуки.
А я, как видишь, ни таё,
Ношу с отца портки.

Но только, Сашка, не трепать –
Тебе, как другу я.
У нас, по-совести сказать,
Хорошая семья.
А Димка... Я его люблю,
Как папку моего,
Любому уши опалю,
Обидит кто его.
Я каждый день бывал у них,
Он приходил ко мне.
Мы, начитавшись дивных книг,
Ходили как во сне.

Джек Лондон, Купер и Майн Рид,
Жюль Верн, Гюго, Дюма...
Казалось, с нами говорит
История сама.
Чертили воздух взмахи шпаг,
Впивались стрелы в цель,
Змеились тропочки бродяг,
И шхуна шла на мель.
Надоедала нам игра –
С киркой и молотком
Мы пропадали на горах,
Тащили камни в дом:

Морские раковины, шпат,
Руду, песок, кремьень.
Набили ими целый шкаф.
- Вот, дурачки, не лень? –
Так говорила мама нам,
Кормя нас пирогом.
Мы знали думы наших мам,
Мечтая о другом.

А Борнуково – не мечта,
Нам выпал дальний путь
Открыть запьянские места,
В пещеры заглянуть.

Володька шествовал босой,
Я – в добрых лапотках,
Мешки с картошкой за спиной
И посохи в руках.
Мы ночевали в Черновском,
Облюбовали сквер.
По пойме скоростным броском
Добрались до пещер.
Бечёвка, факелы в руках,
«Том Сойр» шагает в ряд,
Сосульки виснут с потолка
И искрами горят.

Проходим так за залом зал,
А штольни, ох, узки.
Тихонько! Здесь вода (привал)
Подземной той реки.
Домой мы еле добрались,
Шатались на ветру.
Решили – в гавань корабли,
Пора кончать игру.

Уж поджидал беспечных нас
В заливе полный штиль –
Восьмой невыдуманный класс.
Зачем нам корабли?

И мы уже не пацаны,
Мы повзрослей иных,
Уже в девчонок влюблены,
Хотя боимся их.
Но главное – футбол нас ждал,
Неистовство побед.
Я, правда, кое-как играл,
Володька – лучше нет!
На поле шел он босиком,
В закрученных штанах,
И так орудовал мячом,
Что все кричали: «Ах!».

Не он, а мяч, казалось нам,
За ним бежит, скользя.
И футболистам-мастерам
Его отнять нельзя.
Он всех красиво обводил,
Свободно и легко,
И по воротам точно бил,
Салютуя рукой.
Его Починки возвели
Живым на пьедестал.
И Склизким точно нарекли,
Он их кумиром стал.

Толпа мальчишек – значит он,
Бесхитроsten и прост,
А значит, рядышком Нерон –
Его любимый пес,

Идут куда-то. А толпа –
Почетнейший эскорт...
Какая, Сашка, маета –
Футбольный этот спорт.

Зима бы поскорей. И вот
Коньки уже поют,
Звенит на Рудне зыбкий лед.
Салют ему! Салют!
Володька бегать виртуоз,
Попробуй – догони.
До Шаланги наш дальний кросс.
Обратный путь. Огни.
Трепещут факелы в руках,
Сигналим: расходись!
Все расступаются впотьмах,
Мы быстры, точно мысль.

Лишь только завьюжит зима,
Зовет нас драмкружок,
Раис Григорьевна сама,
Смешная ругань впрок,
И оперетта «Страшный суд» –
В ней дряхлый Саваоф,
Архангелов елейный зуд
И черти без хвостов.

Спектакль взлетел, как фейерверк.
Зал хохотал до слез,
Бросал полсотни шапок вверх,
Не бросил только роз.
Настал великий перелом,
И счет терялся дням:
Снимал с занятий нас райком,
Бросал по деревьям.

Мы свой задор несли селу –
В колхоз не больно шли.
В холодных школах на полу
Мы спали, как могли.

Упала ранняя весна
На сонное село.
Лежим у школьного окна,
Не спится, как назло.
Лежат ребята у стены,
Храпят. Обычный вид.
А мы под музыку весны
Толкуем о любви.
Володька шепчет:
- Я не жду...
Храню я все в душе.
Ну, как я к Женьке подойду?
Сказать – штаны зашей?!

Вдруг колокол ударил: «Бум!».
Пока катился гул,
Как цунами, тяжелый шум
Всю школу захлестнул.
Над головой осколков звон,
Треск рамы, свист камней...
С ребят, как ветром, сдуло сон.
- Ко мне, друзья, ко мне! –
Дверь приоткрыв, учитель звал,
- Скорее в коридор.
В парадном сделали завал.
- Бегите через двор.
В окно мы вывалились в сад,
В овраге притаюсь.

Сказал Володька:
- В два часа
В Починках буду я.
И он растаял, точно тень,
И двадцать верст, не крюк,
Неся в ночную перезвень
Тепло ребячьих рук.
С рассветом вместе, на конях
Примчался спецотряд.
Кулацкой своре он в сердцах
Устроил шах и мат.
Мы к вечеру ушли домой
Из тихого села.
И песен боевых настрой
Сломал заторы зла.

Деревня тронулась. И мы
С Володькой были в ней,
Взрывали лед, оплот зимы,
И гнали снег с полей.
Листало время между тем
Листки календаря.
На свет явилась Шэ Кэ эМ,
Добро и зло творя.
Добро – досрочный выпуск наш,
А зло – совсем в другом:
Из школы выставили нас
На площадь в старый дом.

Все лето в нем нас мучил зной,
И... мы учителя.
Сумбурный вечер выпускной
С дарами сентября.
Ребята мучили рояль,
Бродила в зале грусть.

Танцулек не было, а жаль,
Потанцевали б пусть.
Но, к сожаленью не могли,
Не научились. Что ж!
Зато мы знали соль земли,
Любили поле, рожь.

Подкрался рыженький восход
Над петлями горы.
Володьке я черкнул в блокнот
Две пары горьких строк:
«Посмотри, как сияет восток,
И как теплятся звезды-свечи.
Ну, какой из меня педагог?
Разве только ребят калечить».
Прочел Володька – «Ты болван!
Не Сашка ты, а Тит.
Удрать мне из Больших Полян
Никто не запретит».

Разлучники на много дней –
Всеобуч и Роно.
Учить послали нас детей
Иль взрослых – все равно.
Володька в октябре удрал,
Из Нижнего дал знать:
- На курсы поступил я, брат,
Тебя я буду ждать.
И следом я за ним во след
С культфронта улетел.
Голодный Нижний этих лет
Был центром славных дел.

Там за Окой, в глуши болот
На вековых песках

Вставал гигант-автозавод
В строительных лесах.
Нырнул я через биржу в шульт
И поленья пня,
Вдыхая ароматный шум
Строительного дня.
В голицах каждый выходной
Мы ездили туда,
Чтобы траншеей головной
По трубам шла вода.

С Володькой все напололам –
Хлеб, рыбу и табак,
Делили мы. Казалось нам
.....весели так.
Был у него отменный дед,
На Гоголевской жил.
Он капитаном сорок лет
По Волге колесил,
Могуч и крепок, точно дуб,
Ветрами просмолен.
Часами ожидал в саду
С работы внука он.

Володька в Сормово, на верфь,
Электриком судов
Попал. Работал, точно зверь,
До девяти потов.
Он поздно приходил домой,
Голодный, точно волк,
Съедал паек и свой, и мой,
И в сад к дедушке шел.
С ним говорил он по душам,
Расспрашивал, как жить,

Работать, чувствовать, дышать,
Самим собою быть.

Часы Павла Буре ему
Дедушка дал: «Бери.
Не подарил бы никому.
Ты не благодари».
Часы – награда. И не год,
А три десятка лет
Водил по ним он пароход.
Точнее хода нет.

В спецовке вырезал карман,
Во внутрь холстину вшил,
На цепь свои часы-батман
Повесил и носил.
Берег, пожалуй, пуще глаз,
А может, и вдвойне.
Осколок мины в черный час
Разбил их на войне.
Как горевал он по часам,
Былое вороша.
Жила в них, по его словам,
Дедушкина душа.

Я специальность получил,
Стал токарем. И вот
Нас со снабженья исключил
Курбатовский завод.
Претил мне Нижний, что ни час.
Мы были не у дел.
На «Двигатель» не взяли нас.
Домой я захотел.

- В Починки уезжаю жить, –
Сказал Володьке я.
- Учителем взаправду быть –
Видать судьба моя.
Простились просто, без вина,
Шагали на вокзал.
- Не выдержал – вина моя.
Он слова не сказал.

Пояснения:

Батман – слово, имеющее два значения: 1. безмен (весы) и 2. вес.

Борнуково – село Бутурлинского района Нижегородской области, где близ села в гипсовом утесе было много пещер.

«Павел Буре» – марка часов.

Склизкий – прозвище.

Саваоф (евр.) – Господь воинствующих Архангелов.

Том Сойр – Том Сойер, герой книги Марка Твена.

«Уверлей» – старинная песенка (шансон). Слова народные. В песне есть строки:

- Молодые бабы разорят,

Старые обогащают...

Шульта – гнилая березовая сердцевина, которую в голодный год варили бедняки вместо чая.

Володька

Мы спали крепко. Грезы сна
Развеял стук в окно.
- Они, – шепнула мне жена, –
Уж, не были давно.
- Убьют, – возникла у меня
Молниеносно мысль.
- Смотри, не зажигай огня,

В простенках становись.
Согнувшись, взял я из стола
Тяжелый пистолет.
Смешно, что смертушка пришла
За мной во цвете лет.
А может это не она?
Но вспомнился листок:
«Останные гуляйте дни,
Не уползет никто».

Капут, – читал я на бюро
В подметном их письме.
И тут же был предложен рой
Крутых, но глупых мер:
- Всех коммунистов под ружье!
- Засады по ночам!
- Убить, – вот мнение моё, –
Народ поможет нам.

И этот предрассветный стук
Уверенной рукой,
Раздавшийся внезапно вдруг
Нарушил наш покой.
Кто? – Осторожно я спросил,
Не открывая штор,
Предохранитель опустил –
Начнут, так я в упор.

Кто? Снова грохота обвал.
Дрожит рука моя.
Я слышу странные слова:
- Эй, Сашка, это я!
И голос с детских лет родной
Дошел до сердца мне.
Срываю левою рукой

Я шторку на окне:
- Володька? Ты? Скорей влезай!
Я не могу вздохнуть.
И вот невольная слеза
Мне капает на грудь.
А Склизкий ловко, точно выюн, –
Так может только он –
Нырнул в окно, беспечно юн
И радостно смущен.

До боли обнялись. Сидим,
Не отрывая взгляд,
Махорочный глотаем дым,
Как десять лет назад.
Тогда его счастливый рок
Из Сормова умчал,
Где Голубой ласкает Рог
Своей волной причал.

Три года жил он. Ценный груз
Сдала бригада в срок.
Володька приподнял картуз –
Прощай, Владивосток!
Как снег на голову, упал
Ко мне в Починки он.
И я тогда его не ждал
И принял явь за сон.

Так и теперь. И вот, крепки,
Садимся мы за стол
И ставим локти. Две руки
Сплелись.
- Давай?
- Пошёл!
Я мускулы, как мог, напряг,

Давлю, дрожу, пыхтя.
А он кладет мне руку так,
Как будто я дитя.

Моя Маруся, между тем,
Оделась и вошла.
А я, повержен, глух и нем,
Сидел возле стола.
Её недоуменный взгляд
На странную игру...
- Я разбудил вас? Виноват.
Володька, Сашин друг –

Он явно любовался ей,
И вот, забыв слова,
Он руку жёнушки моей,
Смутясь, поцеловал.
Наш стол был неприглядно прост –
Убогая еда.
Но подняли мы братский тост
За дружбу навсегда.

Сказал он после, не шутя:
- Я смерть свою побил,
Она взмахнула уж косой,
Но я не уступил!
И нехотя поведал мне –
Из мертвых он воскрес...
С сорок второго на войне
Он нес тяжелый крест.

Был лейтенант, потом – майор,
Три раза ранен был.
Огню врага, наперекор,
Врачиху полюбил.

И свадьбу справили полком
За Яссами в саду...
Он счастлив был, ну, а потом
Наткнулся на беду.

Эвакогоспиталь, пути
В Восточную Сибирь.
В Чите профессор о конце
Сказал ему в сердцах:
- Как воевал ты с ТБЦ
В груди и позвонках?
Дела твои, майор, как дым,
Я режу сорок лет.

Каверны в легких удалим,
А позвоночник нет.
Бессилен я..., а впрочем, стой –
Ты очень хочешь жить?
Понятно. Нынешней зимой
Поедешь сливки пить
В тайгу на ферму. Подфартит –
Ружьишко дам. В тайгу ходи.
Авось, развеешь дым.

В тайге семи смертям назло
Два года отдано.
Как видишь, Сашка, повезло –
Стучу тебе в окно,
Сижу с тобой и водку пью,
И весел, и здоров.
Отыскивать жену свою
Поеду в Балашов.

И он уехал. С той поры
Опять исчез мой друг.

Но знаю, снова две горы
Сойдутся поутру,
Иначе помутится свет,
Вспять потечет река.
Сильнее дружбы – чувства нет,
Она живет века.

Ноябрь-декабрь 1979 года. Починки.

Рисунок А.М. Рожалина

Лиственница

(А. С. Пушкину посвящается)

Уже давно с Урала едет Пушкин.
Бежит проселок в золоте лесов,
И увидал он, наконец, с опушки
Порядок курных болдинских дворов.

Вот колокольчик замер возле дома,
И кони встали, тяжело дыша.

Подъезд ковром застелен из соломы,
Которая пахуча и свежа.

Дворовые с радушием встречают.
Михей берет потертый саквояж
И Пушкина зовет с дороги к чаю...
- Пстой, прими особенный багаж.

И Пушкин сам передает Михею
Туес, землей набитый тяжело:
В нем, по-весеннему задорно зеленея,
Невиданное дерево росло.

- Скорей, скорей – и Пушкин торопливо
Садовыми дорожками идет.
- Эй, кто-нибудь, подайте заступ живо!
Посадим дерево, пускай себе растет.

Разрежь туес с уральскою землецей,
Опустим в яму крестницу мою,
Нехай потомок думает, дивится,
Откуда лиственница в сём краю.

Давай, Михеюшка, вино и кружки,
Скликай на пир горюхинский народ.
Пускай моя уральская подружка
До вольности желанной доживет.

Промчались годы. Лиственница эта,
Посаженная пушкинской рукой,
Встречает нас у домика поэта
Вольнолюбивой пушкинской строкой.

1969 год.

Букет

*(стихотворение посвящено тете,
учительнице Надежде Ивановне Климовой)*

Седьмое марта, день ее рожденья,
Она встречает в школе сорок лет.
И детворы наивной поздравленья
Находит на учительском столе.
Вот и сегодня стройная, красивая,
В класс входит успокоено она.
Вошла. Где ж детство шаловливое?
Ее встречает, стоя, тишина,
Прозрачная, веселая и честная,
Согретая теплом ребячьих глаз,
Скрывающая что-то неизвестное,
Что приготовил ей четвертый класс.
И заводила, девочка курносая,
Такая же, как мать ее была,
Веснушчатая и светловолосая,
Стоит с огромным свертком у стола.
Остановись, остановись мгновенье!
Прекрасней в жизни не было, и нет:
- «Надеждиванна! С Днем Рожденья!
А это вам... от нас...от нас букет».

Мгновенье сорванцам навек запомнилось.
Дыханием багряно-алых роз
Вся комната, как пламенем, наполнилась.
Кольнуло сердце. Не удержишь слез.
А в классе сразу все пришло в движение,
Вокруг нее кипит прибой ребят...
Шестой десяток лет со дня рождения
Я встретить так же был бы рад.

Март 1964 года.

Другу-пенсионеру

День догорал. Украдкой тихий вечер
На землю опускался, не спеша.
День человеческий, увы, не вечен.
О чём же так волнуется душа?

Наш день был переполнен счастьем
Борьбы и радостью труда,
И ненависть к спокойному ненастью
По-моему, в крови у нас всегда.

Пусть время лица нам изборозило
Глубокими оврагами морщин
И головы, шутя, посеребрило,
Мы не сдаемся натиску годин.

Пусть мы пониже стали, посутулей,
И сила половодьем утекла.
Пусть вечер у окна, мы не уснули,
И наша жизнь, по-прежнему, светла.

Пусть отлюбили мы, и огненная вьюга
Чувств первозданных не тревожит нас,

Нам дорога любимая подруга
И свет ее родных навеки глаз.

И прожитое попрекнуть нам нечем,
Напрасно беспокоится душа.
День догорел. С востока ясный вечер
На землю опустился не спеша.

Мать

Сижу я одна, незрячая,
Под старою батиной грушей,
Дуют ветра горячие,
Душеньку, злые, сушат.

Сынок на войну проклятую
Ушел, ушел без возврата,
Трава не встанет примятая –
Ни повилика, ни мята.

Бил он фашиста черного,
Бил и в Смоленске, и в Туле.
Для сердца его упорного
Еще не отлита пуля.

Уж тридцать весен горячие
Лью я под грушей слезы.
Встаньте, леса дремучие!
Ударьте, летние грозы!

Верните мне свет утраченный
В сожженные горем очи.
Придет он в час назначенный
Короткой и светлой ночью.

Увижу, как с прежней ловкостью
У пряслица нашего прямо,
Падет мне на грудь головкою
И скажет ласково «мама!».

Пока же одна, незрячая,
Жду я под старою грушей.
Дуют ветра горячие,
Душеньку сирую сушат.

31 мая 1977 года.

Первая любовь

М. К. посвящаю.

Милая,
хочешь,
я расскажу тебе
Сказку?
Какую?
Не все ли равно?
О самом себе,
о чужой судьбе,
О том,
что было
давным-давно.
Я буду смешон с рассказом своим,
Но сердце выстукивает
«за».
Это ничего,
что воспоминаний дым

До слез прочистит глаза.

Я вырос в годы,
когда страна
Брала в штыки кулака.

Тогда мы ночи
крали у сна,
Рука
была у курка.
Школа
неделями не видела нас,
На парты
бархатная
ложилась пыль,
Учитель
смущенный
заглядывал в класс,
Чтобы отметить:
«был!».
Мы были юны,
а юность сильна

Мечтами о счастье крылатом.

Мечты
пьянят сильнее вина,

Какое бы
ни пила ты.
Окончив школу,
бок о бок дрались
За счастье
глухих деревень.

Я понял тогда:
 без любви не жизнь,
И день без любви –
 не день.
Далекие годы!
 Вернуть вас вновь
Я не хочу теперь.

На что мне
 по-детски смешная любовь,

Ошибки и горечь потерь?

И я полюбил.
 Кого?
 Ее.
Фамилии
 не скажу.
Это,
 пойми ты,
 право мое,
Которым я дорожу.

Какая она?
 Не мне судить.
По-моему,
 настоящая красавица.
Главное,
 сердце билось в груди,
А сердцу
 не каждая нравится.
Я помню:
 пришла она в пятый класс,
Платьишко горошком,
 синее,

И бойко прочла
 стихотворный рассказ
О матери
 и о сыне.
Я издали
 тайно глядел ей вслед,
При ней
 озорничал вдвое,
Чтобы она
 через несколько лет
Задела меня
 за живое.
Я жил и работал
 вместе с ней
Не месяц,
 не год,
 не два...
И с каждым днем
 любил всё сильнее,
И слышал
 всё те же слова:

«Не знаю, Сашенька,
 погоди...».
И я уходил в метель.

Один
 по полям
 в метель бродил,
Несмятой стыла постель.

Потом мне сказали:
 у ней есть мать,
Мамашенька у-у-у-...
 всех мер.

Ей
требуется
зять –
Врач
или инженер.
Я рассвирепел
буквально, как черт,
Но,
зубы сцепив,
замолк.
Кто я?
– Недоучка.
Но я горд.
А от ругани
какой толк?
Даже теперь,
когда ливни дум
Залили
сердца пожар,
Я вспоминаю
мамашу ту,
От ненависти дрожа.
Летели стремглав
счастливые дни,
Её согретые лаской.
Казалось,
мы были совсем одни
В зените
волшебной сказки.

Но сказка – не жизнь,
что текла, как река,
Ворочая льдины-вопросы:
Мы шли проверять
надой молока
И всхожесть
пшеницы и проса,
Чтоб после
за горло лодырей взять,
Молнирывать
стенгазету,
На конном дворе
старикам прочитать
И спорить с ними
до свету.
Борясь,
поднимали мы жизни пласты,
И каждая клетка тела
Под знойным дыханьем
ее красоты
От счастья и гордости
пела.
И вот,
нежданно
подкралась весна,
Конец
учебного года,
Проснулась от хладного зимнего сна
Ликующая
природа.

Стонет
крыльцо знакомое.
И ночь,
небывалая в мире ночь,
Смертельной
дышит
истомою.
Где, где она?
Покажите её!
Я здесь.
Путь тернистый и длинный
Привел нас
в злое твое жильё...
А сын!
Ты убила сына!..
Кто дал тебе право?
Он должен был жить!
Молчишь?
Закрылась руками?
Детоубийца
не может любить:
На сердце твоём –
камень.
Ты – нищенка.
Что тебе счастье и жизнь?
Я нищенства
знаю причину:
Тебя
раздавил
идиотизм
Обывательских
Починок.
А я?

Десять лет на голгофу любви
Тащил
сомнительный крест,
Донес,
приподнялся,
кричу: «Оживи!».
И... никого окрест.
Страдания к черту!
К черту венец,
Терзающий
в кровь чело!
Начало всесильно,
когда конец
Венчает умершее зло.
Так кончилась повесть
о первой любви,
Которую
я пережил.
Несчастливым,
прошу,
ты меня не зови.
Глупцом
я, пожалуй, был.

1943 – 1945 год. Кочкурово - Починки.

Жду

В тундре зверем воеет непогода,
Море горы громоздит на льду.
В час последний нынешнего года
Приходи. Тебя я очень жду.

Я сегодня не сижу с друзьями
И бокал с шампанским не держу.
Понимают, что никак нельзя мне.
Приходи. Тебя я очень жду.

Окроплю сиренью мех олений –
Заблагоухает, как в саду,
Постелю кухлянку под колени.
Приходи. Тебя я очень жду.

Положу покрепче я заварку
И огонь в печурке разведу –
Пусть в моей палатке будет жарко.
Приходи. Тебя я очень жду.

Знаю я, ты чертовски далёко.
Только разум с сердцем не в ладу.
В час тобой назначенного срока
Приходи. Тебя я очень жду.

Может, и у вас бушует бора,
Кружит лист, корёжит старый дуб,
Снежной шубой одевает горы...
Приходи. Тебя я очень жду.

К буровой красивая, как сказка,
Ты пройдёшь у мира на виду.
Душу отогреешь теплой лаской.
Приходи. Тебя я очень жду.

1978 год. Село Починки.

Пояснение:

Бора – местная приморская буря, ураган, на восточном побережье Черного моря.

Марусе

Не гляди на меня, не надо,
Даром сердце свое не тревожь,
Ведь на яблонях зимнего сада
Ты цветов никогда не найдешь.

Не найдешь. Лишь седые метели,
Что танцуют над спящей рекой,
Снежным саваном ветви одели
И отправились на покой.

Здесь цветов не ищи ты, не надо.
Не поможет сердечная дрожь.
Между нами годов преграда –
Не объедешь, не обойдешь.

Жизнь, Маруся, прошла стороною,
Превращая надежды в прах.
Не стоит, как живой, предо мною
Образ, выпестованный в мечтах.

И хоть рада ты, иль не рада,
На тебя он до жути похож.
Не гляди на меня, не надо,
Сердце мертвое не тревожь.

1943 год, 15 февраля.
Село Кочкурово.

Марусе

Нас быта околёсица
Заполонила в сеть.
А сердце к сердцу просится,
Чтоб души обогреть.

Полы, посуда, кролики,
Белье, усталость, крик.
От недовольства колики
Окостенят язык.

И неприязни кружево
Опутает тотчас.
И потолок обрушиться
Готов уже на нас.

И все дела постылые
Летят в тартарары.
А мы? Мы терпим, милая.
А до какой поры?

Ведь сердце к сердцу просится
Наперекор делам.
А вдруг сердца изнасятся?
Тогда что делать нам?

1975 год, 14 июля. Починки.

М. Горнову

В предпоследнюю декаду века
Пожелаю я тебе, поэт:
Пой, твори для счастья человека,
Пусть в гробу подпрыгнет Магомет,
Запретивший счастье в Коране.
И давай с тобой, куда ни шло,
Бить хлыстами рифм по разной дряни,
Чтобы скулы у неё свело.
А Починки Новый год встречают.
По-над Рудней старится ветла.
Приезжай! Тебе вина и чаю
Поднесу от родного села.

Песня старого бахши

В арык засохший камень кинь –
Воды не встанет вал.
Аллах ту землю сжег дотла
И Кара-Кум назвал.
И век за веком проходил
Без всяких перемен:
Себе природу подчинить
Бессилен был туркмен.
Полвека через Кара-Кум
Водил я караван.
И мне сказал хозяин мой,
Захлопнувши коран:
«Ты стар и хил, седой ишак,
Аллах тебя убил,
Песком безжизненным глаза
Тебе запорошил.
Ты надоел мне. Уходи.
Ты в тягость мне, старик...
За хлеб и за добро моё
Меня благодари».

И я пошёл – и бос, и гол,
Но не в родной кишлак,
Дутар рыдал, звенел, стонал,
И пел я, как бедняк,
Лишенный счастья и семьи,
Сгорающий в нужде
И сердце рвущий на куски
Мечтою о воде.
Но ветер северный взыграл,
Настал расплаты срок.
Народ восстал, и песней я
Врага разбить помог.

Бежали баи и купцы,
Бежал хозяин мой...
Вернулся я в Кызыл аяк,
Забывший, но родной.
Дехканам я принес в аул
Счастливых песен дар,
Звенел о дружбе и любви,
Как соловей, дутар.
Я пел о партии: она
Нас вывела из тьмы,
Про наш колхоз, про наш доход,
Про всё, чем знатны мы.

Я пел о том, как вождь вождей
Придет в Кызыл аяк
И руку вытянув вперед,
Дехканам скажет так:
«Друзья мои, борьба за мир –
Борьба за коммунизм.
Да будет в мертвой Каракум
Во имя мира жизнь!».
Я стар, как песня о воде,
И мудр, как Кемине,
Мечта заветная моя
Сбывается при мне:
Туда, где смерч вздымал песок,
Где смерть была судьбой,
Где черным разрезал клинком
Барханов ряд Узбой,
От берегов Амударьи
С мыска Тахиаташ
Летят бесстрашные орлы
Канал разведать наш.

Говаривал Махтумкули
Под шум джейхунских вод:
«Хороших спутников ищи,
Когда идешь в поход».
Идет топограф молодой,
Идет геодезист,
Седой профессор впереди,
И каждый – коммунист.
Махтумкули живет в сердцах
Разведчиков-орлов:
За ними в след идет народ,
Бесстрашен и суров.
Колонны яростных машин,
Железо, сталь, бетон,
Чтоб победить наверняка,
В пустыню двинул он.

Теперь мне девяносто лет,
Но я душою юн,
Победы песню я пою
Под рокот вещих струн:
Смелей друзья! В пески пустынь
Веди нас вождь и друг!
Я вижу рощи и сады,
Что расцветут вокруг.
И хлопок снежный, как ковер,
Оденет грудь земли,
И по каналу поплывут
Электрокорабли,
И беспокойную Джейхун
Бетон платин смирит,
И коммунизма яркий свет
Планету озарит.

1951 год. Байково.

Пояснения от М. А. Фуфаевой:

Амударья – река в Туркмении.

Бай – крупный землевладелец или скотовладелец в Средней Азии, Казахстане и других местах в досоветское время.

Барханы – холмы сыпучего песка.

Бахши – народные сказители, музыканты, певцы, поэты у туркмен.

Дехкан (дихкан) – крестьянин, земледелец.

Джейхун – второе название (арабское) реки Амударья.

Дутар – щипковый музыкальный инструмент.

Каракум – песчаная пустыня в Туркмении.

Кемине (1770 – 1840 годы) – псевдоним туркменского поэта Мамедвели.

Коран – главная священная книга мусульман.

Кызыл аяк – название села (по данным из интернета).

Махтумкули – туркменский поэт (родился в 1727 или 1733 году, умер в 1782 или 1783 году).

Тахиаташ – главный Туркменский канал, начатый сооружаться в 1950 году по инициативе Сталина. У мыса Тахиаташ предполагалось перегородить Амударью плотиной и построить ГЭС. Здесь было начало канала. Канал должен был пройти 500 км по Узбою. А общая его длина предполагалась более 1200 км (второй по длине канал в мире). Заканчиваться канал должен был вблизи Красноводска, у Каспия.

Основными строителями должны были стать заключенные. На 1 января 1953 года в уже имеющемся КаракумЛАГе было создано 7 лагерных отделений с общим количеством заключенных 9823 человека. Строительство приостановилось после смерти Сталина.

Полностью незавершенное строительство остановилось в 1955 году. Большая часть выкопанного русла позже была засыпана.

Плотина была построена в 1970 годы, но без ГЭС (по данным из интернета).

Узбой – сухие русла и мертвые долины в пустынях Средней Азии – долина в Туркмении.

Песня об Ишутине

Полыхают дворянские гнезда,
Над Осинками копоть и гарь.
Век отживший увозит на отдых
На взбесившейся тройке декабрь.

А в Починках не видно победы:
Власть эсеров, разгул и грабеж.
Завладели землей мироеды,
И управы на них не найдешь.

Слухи мчатся с февральскою жутью,
Сеют страх, будоражат и жгут:
- Ленин... Смольный... Приехал Ишутин...
Краснобаям-эсерам капут!

В Лукоянов, кряжистый и крепкий,
Он приехал, смешался с толпой,
В порыжевшей кожанке и кепке,
И с мандатом явился в депо.

И съезжались февральскою ночью
В Лукоянов из сел «большаки»,
Их встречал утомленный рабочий
Точным взмахом тяжелой руки.

Он теплом Ильичева привета
Заскорузлые души согрел.
И горящее знамя Советов
Над Управой взвилось на заре.

Закипели горячие сходы,
Точно буря промчалась окрест.
Бедняки горделивой походкой
Потянулись в Починки на съезд.

Годы с памятью нашей не шутят.
Чу, за Рудней играет горнист,
То проходит с отрядом Ишутин,
Петроградский боец, коммунист.

1975 год. Починки.

Культпоход

(из комсомольского прошлого)

Весна тридцатого года
Была и дружна, и тепла.
Казалось сама природа
Приветствует юность села:
И солнце, и ветер горячий,
И буйная зелень берез,
И грач, как хозяин, бродящий
По пашне без меж и полос,
И марева дрожь над землею,
И дружные всходы овса,
И трактора песня, порою
Колышающая небеса,
И сеялок конных движенье,
Севцов равномерный ход –
Всё это твое выраженье
Великий тридцатый год.

Веселых, на весну похожих,
Нас вел по дорогам гроз

Апрель, молодой и погожий,
В Ухановский славный колхоз
На праздник труда и веселья
Колхозников записных,
Пятнадцатого апреля
Закончивших сев зерновых.
В брючишках и платьях убогих,
Шестнадцатилетние все,
Шагая по пыльной дороге,
Несли мы спектакль «Красный сев».

В читальне, знакомой мне с детства,
Где сцена была с пятачок,
От зрителей в близком соседстве
Спектакль я поставил, как мог.
Ребята, усатые, лыдые,
Бросали со сцены призыв.
Я, спрятавшись за кулисами,
Мастрячил подобье грозы.
Горсть пороху – молнии вспышка,
Лист жести – готова гроза.
Кричали нам «бис» мальчишки,
И яростно хлопал зал.

Володька не мог без курьеза,
Смешно вспоминать сейчас,
Как настоящие слезы
У Женьки текли из глаз.
Он палкой ее солидной
Хватил под актерский задор.
Она закричала: «Не стыдно!
Дурак! Позабыл уговор!».
Но отсебятина в роли
Со сцены сошла легко...
А после спектакля в школе

Мы пили, смеясь, молоко
С душистым подовым хлебом –
Вкусней ничего не найти...
В Починки под звездным небом
Мы шли, не стараясь дойти.
Разбились на группы и пары,
Дышали на полную грудь,
Искали зачем-то Стожары,
Садились сто раз отдохнуть.
Заря уж горела ревниво,
И месяц захлопал кнутом,
Когда я усталый, счастливый
Нашел, наконец, свой дом.

Апрель, 1977 год. Починки.

Нижегородская ночь

Качается воздух, прозрачный и синий.
Под гору уходит Ивановский съезд.
А мы сидим на скамье у Минина
И ждем появления звезд.

Прохлада на Стрелке рябит дорожку,
Ее дыханье за древней стеной
Обходит причалы, спешит Миллиошкой,
Выплескивая сентябрьский зной,
Проходит Ивановские ворота,
Ползет на гору, всему вопреки,
На стройке смиряет жужжанье и грохот,
В Крайкоме высвечивает огоньки,
Темнит скелеты ребристых кранов,
Их руки, застывшие в вышине.
Как будто встают из могилы паны,
Вопящие: «Жутко мне!».

Как будто они проклинают стройку –
Советов прекрасных и светлый дом,
Подмигивающий нам, по-свойски,
Закругленно-длинным окном.
А мы сидим, провожая вечер,
Молчим и не можем друг другу помочь.
Как жаль, что для нас, увы, не вечность
Эта нижегородская ночь.

31 мая, 1979 год. Починки.

Свидание

В Отрезном закат золотится,
Пропел жаворонок отбой.
Пропахший полями, пшеницей,
Спешу на свиданье с тобой.
Мы встретимся там, где Алатырь
Журчит под крутым бережком,
Где памятник старшему брату,
Погибшему в сорок втором.

Тебя увезу я далёко,
На холм, под зеленый дубок,
Грустящий всю жизнь одиноко
Под музыку звездных дорог.
Ты шаль полуночных созвездий
На теплые плечи накинь.
От крохотных лучиков-лезвий
В глазах твоих вызвенит синь.

И здесь в поцелуях несмелых
Откроются таинства тайн,
Чтоб утром пшеница шумела,
И плыл краснозвездный комбайн.

Домой мы тропинкою жесткой
Пойдем по заснувшим овсам,
И Кочкура, пращур мордовский,
Из сада аукнется нам.

Январь, 1977 год.

Марш курсантов Починковского сельского профтехучилища

Над полями закаты в полнеба.
Грозы-ливни над лесом прошли.
Чтоб ни делал и где бы ты не был,
Не найдешь краше нашей земли.

Припев:

Механизатор! Хлеба спели!
Гостей желанных поле встречай!
Ради великой, священной цели
Механизатор – на передний край!

Отзвенели учебные будни,
Наше время, ребята, пришло:
Озимые желтеют за Рудней,
И зовет нас родное село.

За штурвал, урожаю навстречу!
Лейся в бункер поток золотой!
Будет труден и сладок под вечер
Пот соленый и день трудовой.

Конец войне

Спокойная бухта.
Линкор «Миссури».
На палубе стол,
точно кровью покрыт.
На алом сукне
отголоском бури –
Лист капитуляции,
как монолит.
Генерал Деревянко
расписался. И точка.
Сиял японский
премьер цилиндр.
И вздохнули свободно
той памятной ночью
И Меконг, и Амур,
и Янцзы, и Инд.
Лишь вчера оголтело
лезла свастики стая,
Оставляя повсюду
кровавый след.
И горела земля –
вся, от края до края,
На прекраснейшей
из планет.
... Не ревут самолеты,
не дымит Хиросима.
Из руин, точно феникс,
встает Волгоград.
Города, отравленные
гарью и дымом,
Приоделись
в венчальный наряд.

Мир над миром
 воздвигли Советов сыны,
Мертвой хваткой
 сдавившие горло войны.

С. Починки.

Наш Толстой

Глухомань. Астапово. Грязненький перрон.
Здесь, сраженный немочью, остановился он.
Много ль места надобно старику больному,
Чтобы кости дряхлые выпрямила смерть.
Ненависть великая прогнала из дома,
Чтоб на тихой станции громко умереть.
От тайги суровой до индейских прерий
Весть прогрохотала траурной грозой,
Весть в сердцах открыла тяжелой скорби двери:
Умер Лев Толстой.
И к оконцу низкому домика простого
Подходили люди в зипунах, в лаптях,
Хоть одним глазочком глянуть на Толстого,
Хоть у бездыханного побывать в гостях.

Пояснения:

Астапово (до 1918 года) – название узловой железнодорожной станции (ныне Липецкая область), где умер великий писатель в домике станционного смотрителя. С 1918 года станция называется Лев Толстой.

На Ямах

А. П. Синегубкину

На болоте сухие шумят камыши.
Ветер гонит поземку упрямо.

Я и Лешка, еще малыши,
Едем утром кататься на Ямы.
Едем низом по нашей любимой лыжне.
Что нам ветер? Мы – храбрые люди.
Годы детства! Вы дороги мне!
Очень жаль, что вас больше не будет.

Лыжи Лёшки – мечта конзаводских мальцов:
Дуб широкий, а легче пушинки,
Лучше их, побойться готов,
Не найдешь, обойди все Починки.

У меня бегунки, двухсторонний загиб,
А под пяткой рябая резина.
Важно чувствовать прочность ноги,
Если лыжи четыре аршина.

Режем Ямы полого, наискосок,
Чуть сбавляя пробежки скорость.
Мы довольны. Последний бросок
Приведет нас на главную гору.

Наконец, перед нами, как пропасть, обрыв,
А внизу чуть молчит болото.
Здесь граница для всей детворы.
Говорят: умирать не охота.

Умирать? Чепуха! Вертикально держись,
Чтобы ноги пружинками стали...
И пригнувшись, я падаю вниз,
Позабыв все ребячьи печали.

Как на крыльях, взлетаю я вверх на прыжке
И парю, аж, душа замирает.
И кусты впереди, и камыш вдалеке,
Поклонясь, дружелюбно встречают.

Оглянулся, а Лёшка парит в вышине,
И шубенка его нараспашку,
Вот уж он подъезжает ко мне,
Заправляя в штаны рубашку.

Так мы тешили душу на главной горе,
Поднимались, летели орлами.
И болото молчало в седом серебре,
Будто в сговоре было с нами.

Вот уж солнце скатилось за Городок.
Ночь подкралась на самом деле.
Путь обратный был страшно далек.
Мы устали и есть захотели.

Постареть мы успели, дружище, с тобой,
И хоть жизнь нас по ямам бросала,
Мы довольны своею судьбой
И крепки на ногах, как бывало.

12 февраля 1977 года. Починки.

Пояснения:

А. П. Синегубкин – вероятно, Алексей Павлович Синегубкин. Будучи взрослым, он работал механиком Конного завода.

Городок – место за болотом Коннозаводской слободы, где по преданию останавливались отряды Пугачева.

Ямы – гористое место у болота в Коннозаводской слободе, изрытое ямами бывших кирпичных заводов (в 18-м или 19-м веках).

Наш колхоз

Рассказы о жизни

Газик развернулся у канавы,
Председатель вылез не спеша.
- День сегодня выдался на славу!
Видишь кукурузу? Хороша?
Ты такого не видал размаха.
Гербициды? На! Твори, дерзай!
Мы гордимся тем, что «Красный пахарь»
С боем вышел на передний край. –

Так сказал он, молодой и крепкий,
Вынул из кармана «Беломор»,
Закурил и глянул из-под кепки
В этот зеленеющий простор.
Увлеченный ширью неоглядной,
Потеплел его холодный взгляд.
Он привык, уверенный и ладный,
Ничего не делать наугад.

ВПШ, партийная работа
И колхоз... Не прятался в кусты...
И хранят листки его блокнота
Планы, встречи, цифры и мечты.
И поля, и пойму – все родное
Обнимал, переливаясь, зной...
На мгновенье встал передо мною
Самый трудный год, сорок шестой...

На собрание в розвальнях дырявых
Ехал я (послал меня райком),
И возница, мальчуган чернявый,
Не тревожил серую кнутом.
И она без окрика бежала.
Мокрый снег ей падал на бока.
«Мало коней стало, ой, как мало», –
Слушал я раздумье паренька.
«Оттого забыли хлебный запах.
На своих усадьбах, что кроты,
Роемся с мозолями на лапах.
А колхоз... колхоз – одни мечты».

Были мы одни в пустынном поле.
Путь-дорогу снегом замело.
И под тихий говорок невольно
Вспомнилось огромное село:
Улицы широкие, прямые,
Под железом крыш – витки дымков,
Вдоль порядков – ивы молодые,
На столбах – тенета проводов.
И его война крылом задела,
На поля и фермы бросив тень,
И в тени орудовали смело
Те, кому работать было лень.
Увозили, крали, брали, пили,
Не щадили трудных бабьих слез,
Лошадей бескормицей сгубили,
Без семян оставили колхоз...

Класс большой, но стало тесно как-то.
Тут и там шинели, ордена.
Речь парторга, жидкая, без фактов
Лопнула, как ржавая струна.

Гневно выступали коммунисты,
Воины, пришедшие с фронтов,
Пехотинцы и артиллеристы,
Превратившиеся в мужиков:
- Тунеядцев выдержаем с корнем!
- Даст картофель каждая семья!
- Всё изъять: плуги, колеса, шкворни!
... Из колхоза не уехал я.

Еле успевал читать газеты,
Не брался ни разу за перо,
Слушал и упреки, и советы,
Собирал партийное бюро.
Синий дым махорки до рассвета
Поднимал, казалось, потолок...
Сомневаюсь, что во мне поэта,
Кто-нибудь тогда признать бы мог.
А с рассветом на седле скрипучем,
Глубже всунув ноги в стремяна,
Ехал в поле, где навстречу тучам
Шла на Север юная весна.

И Марат, как будто понимая,
Без поводьев шел на Липов враг,
Где бригада сеяла шестая
И в посеве допустила брак.
Конюх, быстроглазая девчонка –
Две косички, облупился нос, –
Крикнула насмешливо и звонко:
«Опозорились на весь колхоз!».
А в Тросничном целину ломали
Коммунисты на худых быках
И на перекурах вслух мечтали
О комбайнах и о тракторах:
- Подойдут.

- Я, думаю, не скоро.
- Танк запрячь!
- Да, этот бы попер! –
И невольно вспыхнувшего спора
Разгорелся дружеский костер.
Так в труде росли, мужали люди,
Не страшась насмешек и угроз,
Убежденные, что снова будет
Знатным и богатым наш колхоз.

Наш колхоз... Как много пробежало
Бурных и неповторимых лет!
Знаю, было у него не мало
Всяких отступлений и побед.
Я тогда уехал, выполняя
Волю партии... Работал, жил.

Как теперь родит земля родная?
Набралась ли животворных сил?
Мы идем знакомыми местами,
Только я не узнаю тех мест:
Море кукурузы перед нами,
Ни лужайки, ни кустов окрест.

Там, где были кочки и трясины,
Стройные каналы пролегли.
И золотоносная равнина
В мареве колышется вдали.
И любуюсь буйством кукурузы,
Запахи вдыхая конопли,
Понял я значение союза
Техники, науки и земли.
Как смешны и неуместны речи:
Урожай нас захватил, как шквал.

- Это кто? Постой. Такую встречу
В поле я никак не ожидал!

- Познакомьтесь: секретарь парткома
И душа «цариц» и «королев»...
Ну, а мы, признаться, уж знакомы.
Вместе проводили пересев.
Кто тогда стыдил сецов за срывы?
Кто весь день за бороной ходил
Так настойчиво и терпеливо,
Не жалея времени и сил?
Без косичек, но все с тем же взглядом,
На груди с медалью золотой,
Взрослая, она стояла рядом,
Партработник, депутат, Герой.

В зале из стекла и из металла,
За стенами древнего кремля
Общую судьбу она решала,
И не руку – душу поднимала,
Чтоб цвела Советская земля.
Старые друзья: смеемся, шутим.
Вечер. Чуть колышется река.
Будто не вода, а волны ртути,
Медленно ползут на берега,
Где участок свеклы виден чистый,
Корни, точно шапка мудреца.
Тут повоевали трактористы
С честью от начала до конца.

А налево, до соседней грани
Кормовых бобов стоят войска.
И уже прошлась по полю брани
Комбайнера твердая рука.
Вдруг за Белым на песчаной грядке

Городок огнями засиял.
Скотные дворы кирпичной кладки,
Кормокухня и доильный зал.
Пастухи как раз стада пригнали.
- Оператор!
- Есть!
- Включай!
- Готов!
И в блестящем чистотою зале
Подоили тысячу коров.
После душа – ужин. Из столовой
Все собрались в красный уголок.
Там простой рассказ о жизни новой
Почему-то записать не мог.
Помню, что им надо удобрений,
Что работ у них – невпроворот,
Что у них немало достижений,
Что на рубеже больших свершений
Партия родная их ведет.

1964 – 1971 год. Починки.

Песня девушки

(из газеты «Колхозная деревня», год неизвестен)

Я не знаю, как про эти
Годы мне запеть...
Над страной на рассвете
Проходила смерть.
Постучала во колючку
Старого крыльца...
На кладбище в тот же вечер
Унесли отца.
Словно солнышко пропало,
Скрылось навсегда...

Горя – много, силы – мало,
Голод и нужда.
Никнет яблонька без света,
Вянет на глазах...
Мать родная в то же лето
Умерла в слезах.
Я не знаю, как про эти
Годы рассказать...
Приласкали нас в Совете,
Как ласкала мать.
Нет прощания печальной,
Чем с родным селом.
Отвезли дорогой дальней
Нас троих в детдом.
Вот и школа, где училась
Пионеркой я.
Было все здесь сердцу мило:
Песни и друзья.
Вспоминаю: от волненья
Был язык мой нем –
Подала я заявленье в Вэ-эл-Ка-эС-эМ.
Знаю я про годы эти песню наших дней:
Нет прекраснее на свете Родины моей!
Нам сегодня ровно двадцать,
Праздник наш и мой.
Как же нам не улыбаться,
Комсомол родной?
В детстве горьком и унылом
Ты отцом мне был,
Дал частицу мощной силы,
Юношеский пыл.
Мать – любимая отчизна,
Родина моя,
Научила править жизнью,
Знатной стала я.

И про наши годы песня
Мчится через дол:
- Здравствуй, доблестный ровесник,
Славный комсомол!

А. Рожалин. Кочкурово.

Примечание из газеты, написанное после стихотворения:

Написано по очерку, напечатанному в газете «Колхозная деревня» 20 октября с.г. «Тоня Казнова».

Зойка

(Из комсомольского прошлого)

Не играет в небе зорька
Отсветами алыми,
Шла таежным шагом Зойка
Старыми увалами.
Дал Борис наган ей в руки,
Наказал: «Посматривай,

Бродят волки по округе,
Режут наших натрое».
Зойка знает, что не волки,
Кулаки от Керженца.
Но не страшны комсомолке
Прошлого приверженцы.

Целиком, по бездорожью
Поступью не шаткою
Шла-летела наша Зойка
В лагерь за взрывчаткою.
Справа – съеденные скалы,
Слева – дышит Вишера,
Что-то звезд сегодня мало

Ночь на небе вышила,
На вершины елей стаей
Пусть садятся, жалкие.
Ветер где-то завывает,
Кажется на Ялпинге.

Два гольца, чуть различимы,
В трех верстах от лагеря,
Обнялись, как побратимы
На ковре из ягеля.
Мох шаги, как вата, глушит
На открытой местности,
Не тревожат Зойке душу
Страхом неизвестности.
В этот миг удар ужасный
Кистенем по темени....
И весь мир багрово-красный
Потонул во времени.

Костенеющей рукою
Рвет наган у пояса,
Охнул выстрел над тайгою,
Зойка успокоилась.
Волчьи морды в пене-мысле:
- Что, попалась, телочка! –
На три части разрубили:
- Прощай, комсомолочка!
И повесили на ветви
Староверской «троицей».
- Пусть дружочки на рассвете
Кровушкой умоются.

Выстрел слышали ребята,
Видят, птицы кружатся.
Подошли – ковры помяты,

Ахнули от ужаса.
Мы прервали все работы,
Мы хотели многого,
От субботы до субботы
Мы искали логово.
Нас вело большое горе,
С ней мы были мыслями.
Следопыт, пермяк Григорий,
Волчью стаю выследил.
Мы в пещере их накрыли,
Динамитом вырвали,
И остались в тучах пыли
Три кулацких выродка.
Так лишилась наша стройка
Дорогой красавицы.
Говорят, что камень Зойкин
До сих пор кровавится.

Апрель 1977 года. Починки.

Олин «Огонёк»

(А. Ростовский)

I

Жеребёнок маленький,
Рыженький, смешной,
С белой подпаленкой
И крутой спиной.
Он вместе с проталинкой
Родился весной.

Сразу встал на ножки, –
Ножки не стоят.
Пососал немножко
И прилёг назад.
Рыженький, хороший,

Как черника взгляд.

Поутру из дома
Бригадир бежит.
Мёрзлая солома,
Как стекло хрустит.
Навозной истомой
Синий воздух сыт.

Осмотрел внимательно:

- Добрый сосунок.
Надо обязательно,
Чтобы вырос впрок.
Как Кузьмич назвать его?
- Назвать? Огонёк.

- Имя неплохое –
Этого он стоит,
Ведь его отец –
Славный жеребец,

А Гнедуха, мать –
Просто поискать.
Будет Огонёк –
Боевой конёк.

Так сказал опрятный
Конюх Влас Песков,
С радостью, запрятанной
В седине усов.

II

По двору бригады
Строем шло звено,
Как зарницы взгляды,
Сердце, как одно.

Из дверей избушки
Вышел старый Влас
- Вам чего, девчушки?
Марш отсель зараз!

- Не кричи ты, старенький,
Мы пришли не зря.
Покажи нам маленьких,
Бойких жеребят.

Наш отряд при школе –
Шеф молодняку.
Так сказала Оля
Просто старику.

Влас ехидно глянул,
Ус, крутя седой.
- Провожатым стану.
Ну, айда, за мной!

III

В конюшне – не в школе,
Тише и темней.
Еле слышно с поля
Звонкий крик грачей.
Ты не бойся Оля,
Отворяй смелей.

Оля растворяет:
- Чистенький станок.
Яркий луч играет
Зайчиком у ног.
Оля вынимает
Ситного кусок.

И жуёт Гнедуха,
Думая о том,
Как сводило брюхо
Со спинным хребтом.

Помнишь: злится стужа,
Как тенёта двор.
Мальчик ей на ужин
Корку дома спёр.

Нежно гладил холку,
Плача целовал,
И о чём-то долго
На ушко шептал.

Слабый голосочек:
«Подожди тепла,
Бархатом лужочек,
Вспыхнет у села.

Будет слаще мёда
Травушка в ночном.
Утром в честь восхода
Песенку споём».

Вёсны пролетали
В голоде-печали.
По дорожной пыли
Ноги чуть ходили.

Только здесь в конюшне
Стало жить получше:
И бока, и спинка
Похожи на картинку

IV

Быстро пробирается
Оля ко двору,
Галстук развевается
Птицей на ветру.

Лужа. Лужа снова,
И ручьёв, ручьёв....
Огонёк, здорово!
Будь к весне готов!

И в окошко звонко, –
Слышал целый свет, –
Ржанье жеребёнка
Донеслось в ответ.

Влас невольно слушал
Дивный разговор.
Он потрогал уши,
Оглядел весь двор.

Это удивляется
Старый, умный Влас
И понять старается
Уж который раз:

«Почему девчонка
Ходит каждый день?
Чистить жеребёнка
Видно ей не лень.

Подрядилась что ли...»,
Дедке невдомёк,
Почему для Оли
Ценен Огонёк.

Дни кипят, как волны.
Сев идёт «наполный».
Лошадям работы –
До седьмого пота.

Своего питомца
Рыжего, как солнце,
В самом дальнем поле
Навещала Оля.

Чистила, ласкала,
Молочка давала,
Из бутылки скользкой
С резиновой соской.

V

Почему сегодня
Радостно собранье?
Шутки и веселье
Распирают зданье.

Всё затихло сразу
В многолюдной школе.
- Отправляем в Крым мы
Пионерку Олю.

Оля – героиня –
Выдержала срок,
Лучший жеребёнок –
Олин Огонёк.

Председатель кончил,
Щуря левый глаз

- Есть за что ребятки, –
Молвил старый Влас.

Где друзья?

Посмотрел я с обрыва высокого
В омут прошлых и будущих лет,
Оглянулся, а рядом, около –
Никого, никогошеньки нет.
Где друзья моей юности ранней?
Как мне вас воскресить, обрести?
Где алмазы, что дружбы гранями
Нам светили всегда в пути?

Вася! Помнишь, ночами длинными
Ты меня утешал, точно мать?
Почему не придешь из-под Клина ты
Друга старого врачевать?
Сад наш высох, и в печке сожжённый,
В дым ушёл, словно Люба твоя,
Утверждая законы сложные
Неразгаданного бытия.

А Володька! Где ты, удивительный,
Футболист, фантазёр и солдат?
Врач списал тебя в небожители,
Ты назло возвратился назад.
И тогда ко мне, неприкаянный,
На рассвете загрохал в окно,
Верный дружбе нашей отчаянной.
С той поры на душе темно.

Отыскал или нет в Балашове ты
Свою ли? Дождалась ли она?

Приезжай, у меня наготове ждут
И рука, и бутылка вина.
Где ты, Костя? Моим советчиком,
Комиссаром душевным ты был.
Из последней пушчонки, пометче как,
По фашистам ты до смерти бил.

И могила твоя всё не найдена,
И цветы на ней не лежат.
Тебе памятник светлый – громадина
Подмосковного рубежа.
И сердце своё отдавал
Своим одичавшим садам,
Сознанием она понимает,
Что счастье мужицкое там.

И слышит с душевной болью
Смех, музыку, времени бег...
.....
Несбывшееся Приволье,
Прощай, дорогое, навек.

Январь 1977 года. Починки.

Рузавка

Всем ветрам наперекор
Дорогой льдистой, звонкой
Спешу, скользя, на конный двор
И захожу в избёнку,
В лиловый полумрак и дым,
В дегтярную жарницу,
Где мужики до икоты
Курили табачище.

Я поклонился:
- Добрый час! –
И сел на лавку рядом.
- Товарищи, а кто из вас
Бригадный конюх Рябов? –
Бородка с койки поднялась:
- Я, ёлки-половинки...
- Пред ваш велел запрячь тотчас
Рузавку мне в Починки.

Мужик на койке подскочил,
Взметнулся ошалело.
- Степан, того, ты не кричи, –
Сосед сказал, – не дело...
Но конюх рявкнул:
- В гриву мать!...
Тебе Рузаву, сука, дать?
Очкастая едрёна вошь.
А ты вот этого не хошь? –

И жестом вольным показал
На место роковое...
Его белёдые глаза
Метали пламя злое.
Кулак железный к потолку
Рванулся в дым зелёный...
А я сижу и «ни гу-гу»,
Приёмом удивлённый.

Я не могу понять никак
Его смешной угрозы,
Но вижу, как дрожит рука,
Пропахшая навозом.
Он налетел на хомуты,
Пихнул их, глядя зверем.

- Такой не видел сволоты! –
И вышел, хлопнув дверью.

Колхозники заржали враз.
Для них, видать забава.
- Ой, лопнет брюшенько сейчас!
- Ха-ха-ха-ха! Рузава!
- Ну, Николав, ну подкузьмил!
Язви его в печенку!
- Рузава! Нету больше сил!
- А чем не лошадёнка?

- Тебя знать, Палька научил?
- В отца пошёл ехида.
Печёт для смеха калачи,
Румяненькие с виду.
Вгляделся я поверх голов,
И после этих самых слов,
Я крикнул:
- Дядя, Гриша! –
Десятка полтора годов
Я знал его мальчишек.

Он из Никитина всегда
В Починки доставлял нас.
Сейчас – седеет борода,
Бегут морщинки на нос,
Глаза по-прежнему искрят,
Тая лукавства силу...
- Ты, Сашка, вроде, значит рад –
Тебя не отлупил он.

Зря в человека плюнул ты.
Иди, проси прощенья.
В конюшню задал лататы

Он для успокоения.
- Пойми, ты, паря, лишь одно:
Рузава – не кобыла.
Рябову прозвище дано,
Давно такое было.

А кобылёнку он привёз
С нуждою из Сибири
И сдал её, как все, в колхоз
Заместо ржавой гири:
Мохнатая, мышинный цвет,
Мала, слаба, строптивая,
На ней работать – спасу нет,
Одно богатство – грива.

Вру. Не одно. От бога дан
Талант её бедовый –
Она бежит, как ураган,
Не зная остановок.
Но пред наш, Павел Николав,
Её не запрягает –
Паршивой масти и мала.
Есть у него другая.

Вот и стоит она одна
В конюшне без привета,
Проходит для неё весна
Всё стороною где-то.
Иди, винись. Степашка ждёт.
И в хуторские санки
Зараз-ка, значит, запряжёт
Лохматую Названку.

Уж не до смеха мужикам,
Замолк и дядя Гриша.

Кисет потёртый по рукам
На круговую вышел.
Все, молча, смотрят на меня
И ждут, и ждут чего-то.
- Я...я не знал, что не коня...
Домой хотел... Суббота.

Пойду у конюха просить
Я извиненья, люди...
- Вину признать – не молотить,
Тяжеле много будет.
Тебе пойдёт всё это впрок,
По нашей, значит, воле.
Худого слова поперёк
Степан не скажет боле. –

Согнувшись, чуть не до земли,
Я в дверь полез, а взгляды
Вдруг потеплели, зацвели.
Выходит, люди рады.
Соломой тамбур был одет,
Ворота приоткрыты,
А лошадей в конюшне нет.
Чу, стукнули копыта!

И вижу – лошадь чистит он.
- Прости мою провинку...
- И я взъярился, пустозвон.
Эх, ёлки-половинки! –
И через несколько минут
Летел я по дороге.
Названке не потребен кнут,
Окончились тревоги.

Так приняли в свою семью
Меня яснополянцы.
Они, шутя, судьбу мою
Отчистили до глянца.
Я чту, кто жить учил меня
Советом, делом, взглядом,
Кто места дал мне у огня
Лихой второй бригады.

Вот дядя Гриша. Он всегда
Напоминал Сократа:
Могучий череп, борода
И нос картошкой, смятый,
И глаз лукавейший прищур,
И брови, точно мочки,
И лишь тунику и пурпур
Сменил пиджак рабочий,

И речь глубока и ясна
И так предельно кратка,
Что мысль на ощупь в ней видна,
Как огурец на грядке.
Захар Крылов вселил мне страх:
Ручищи, точно жерди,
Высокий, с трубкою в зубах,
В глазищах пляшут черти.

Братья Чекушины, Кульков,
Мужик огромной силы,
Талантливый кузнец Рябов
И Вася Малов милый,
В недавнем времени бедняк,
Ударник в настоящем,
В рубахе красной, так и сяк
Бригаду веселящий.

Иван Сергев, их бригадир –
И мягкий, и суровый –
Таков яснополянский мир,
Весёлый и здоровый.
Читал я каждый вечер им
«Войну и мир» Толстого,
Вдыхал махры пахучий дым,
А с ним – родное слово,

То, что по-снайперски точно,
Душевностью чудесно,
По яркой ёмкости оно
Звучит, как наша песня.
Я речи Сталина громил
О правых и о левых.
Они нам придавали сил
В разгар большого сева.

Кульков, Чекушин, Ушаков,
Шагая за плугами,
Гордились славой и флажком,
Что трепетал на раме.
Я, отпустивши детвору,
Кувалдой кузню тешил,
Навоз кидал и ко двору
Стеновку жизни вешал.

А дядя Пётр с волнением
Читал творение моё,
Давая поясненья.
Их покрывали крик и гам
И перекаты смеха –
Досталось крепко «старикам»
За «сонницу с огрехом».

Я шёл домой и заходил
Смотреть овсы густые,
И сердце ёколо в груди
От радости впервые.
Себя сжигал пожаром,
Что юность пылкая моя
Пережита не даром.
И светлой радости, как дым,
Раздумий соль осела.
Спасибо Вам, спасибо Им! –
Могу сказать я смело.

15 января 1979 года,
Починки.

Примечание:

Лататуй – дурак, дурень, пень, олух.

Поэма без названия

(о колхозной жизни)

Он к матери
С Эльбы далёкой приехал,
Солдат,
Опалённый ветрами войны.
Уж ветер холодный
Нырлял под застрехи,
И осень дождливые сеяла сны.
Дома его полонили заботы:
Дворишко поправить,
Плетень залатать,
За хворостом в рощу сходить,
А в субботу,
Попариться в бане,
Чай распивать.

Не жизнь, а мечта,
Фронтовая к тому же,
А надоела:
Безлюдье, тоска.
Откуда она?
Ведь живёт он не хуже
Любого вернувшегося мужика.
Сдвигались сурово
Крылатые брови,
Морщинка резала
Выпуклый лоб.
Сжимал кулаки он
Да боли, до крови,
Глядел, как размашисто
Жило село,
Как песни оно
Горлопанило звонко,
Ругая начальство,
Картофельный хлеб,
И пило, как воду,
С дымком самогонку,
Забыв о работе
На общей земле.
Оно в МТС подалось,
В мастерскую,
Шло лук и картофель сушить
На завод,
Шли барышничать напропалую,
Пока милиция
Не заберёт.

Им дома возиться –
Садами не шутят:
От яблок и ягод –

Доход чистоган ...
И встал Михаил
На крутом перепутье.
Идти? Но куда же?
Повсюду туман.
Последний навильник
Соломы овсяной
Быкам положил
Михаил не спеша,
Завесил ворота
Щитом конопляным:
– Вот так-то,
Спокойней будет душа.

В конторе сидел
И дымил сигаретой
На Чкалова схожий
Лицом человек,
Простой, волевой, как и тот,
Чьи портреты
Запомнились нам, горьковчанам,
Навек.
– Антонов? Здорово.
Что ж, будем знакомы, –
Сидевший сказал,
Упирая на «о». –
– Нужны, брат,
Толковые парни в райкоме.
Не жаль тебе бросить
Родное село? –

Молчал Михаил,
Был он явно взволнован.
– Коль ты не желаешь,
Скажи напрямик!

– Согласен ...
Скажу только матери слово.
Душой, как иные,
Вилять не привык.
– Иди, – говорит,
Собирайся, заеду.
Но знай, что работа
В деревне трудна.
И нам нелегко здесь
Добиться победы,
Без боя, без драки
Не дастся она. –

Деревня в те годы
На ноги вставала.
Быкам отходила уже пора.
Вкус хлеба ржаного
Впервые узнала,
К картошке привыкшая,
Детвора.
Зерна же страна
Собирала немного,
Вперёд нацеливаясь далеко.
Но Сталин не знал:
К изобилью дорога
Прямая –
Ведёт
Сквозь сердца мужиков.

Откуда ему
За кремлёвскою высью
Узнать о нужде
Наших вдов и сирот?
Он черпал свои
Гениальные мысли

Из липовых сводок
И лака кино.
На этой непрочной
И шаткой основе,
Учтя на корню
Урожай до зерна,
Сумел Маленков
Сочинить славословие:
«Проблема хлебная
ре-ше-на!»

Мы Сталину верили,
Веря, хотели
Умом необъятные дали
Объять –
На наши забытые богом артели
Нельзя, мол, стране
Равнение держать.
Поволжье, Кубань,
Украина с Алтаем
Давно, мол, предела
Не знают зерну.
Они стопудовым
Своим урожаем
Досыта, мол, кормят
Родную страну.

Мы, веря, не знали,
Что культа зараза
Проникла
В тело страны глубоко,
Что лозунг о хлебе –
Пустая фраза,
Сказать которую
Было легко.

Скрипя,
Вывозили мы хлеб в заготовку.
Колхоз же
За сданные триста тонн
Купить мог
Для мельницы жёрнов-основу
И пять хомутов,
Нарушая закон.

А после колхоз
Без семян оставался
И без фуража,
И с пустым трудоднём –
Народ неустойчивый
Разбегался,
И совесть
Нам души палила огнём.
Попытки объять необъятное были
Похожи
На мыльные пузыри.
Но мы не сдавались,
Мы честно трудились
От ранней зари
И до поздней зари.

Бюро утвердило
Инструктора сразу,
Но волновался, пожалуй, не зря.
Он слушает после бюро
Наказы
Первого секретаря:
- Берись за колхозы и помни:
В натуре
Причину колхозных успехов и бед
Ты сможешь увидеть

В центральной фигуре,
Увидишь –
Найдёшь на вопросы ответ.

Коль в центре стоит
Деловой председатель,
Станут партийными
Все дела.
О нём говорить будут
В каждой хате.
Цель жизни его –
На ладони села:
Служенье народу,
Забота, дерзание.
Такой председатель,
Как строгий отец...
Вот завтра
Отчётное будет собранье
В колхозе по имени «Красный борец».

Оно для тебя –
Боевое крещение.
Колхоз полупропит,
Разут и раздет.
Пусть совесть народа
Подскажет решенье.
Внимательно выслушай
Каждый совет.
Напутствие это
В душе повторяя,
Инструктор шагал,
Поднимаясь на склон.
И дымка позёмки
От края до края

Волнами бежала
Друг другу вдогон.

Ему, истоптавшему все дороги
От Волги до Эльбы,
Позёмка сродни,
Дойдёт к вечерку
До деревни убогой,
Откуда мигнут ему
Тускло огни.
И он добрался.
На столе в сельсовете
Лежал до утра
И курил самосад.
В правленье колхоза
Пришёл на рассвете
Читать у Малова
Отчётный доклад.

Малов, напиток,
Непроспавшийся, вялый,
Сидел и дремал
За скоблёным столом.
- Доклад-то того...
Счетоводка писала...
И он, так сказать,
У неё под замком.
- А что же вы сами?
- Бедны грамотёнкой...
- Идите на склад,
А потом по дворам.
В амбарах овёс
И гороха немножко
С мякиной и пылью
Напополам.

В овчарне увидел он
Только порядок.
Все овцы у яслей
Жевали сенцо.
В приёмнике чисто,
Ягнята, что надо.
У овчаря –
Молодое лицо,
С задорной и умной
Смешинкой во взгляде,
Тужурка японская,
Точно капот.
- «Один управляюсь
Со всеми за день
И ночью дежурю:
Идёт окот».
В соседнем дворе
Коровёнки стояли
На горах навоза,
Под сквозняком.
Вчера три доярки
С фермы сбежали
Вместе с надоенным
Молоком.
Кормов, оказалось,
Два дня не возили.
Учётчик и зав
Пропивают шкурё.
- И нас отпусти, –
Две доярки просили.
- И нам опаскудило
Это житьё.

Собрание было
Крикливым и бурным,

В глаза обличали
Пьянчуг и воров.
В докладе коротком,
На диво сумбурном,
Хотел, но не мог
Оправдаться Малов.
Кузнец,
Коммунист с двадцать первого года,
Как гвозди вбивая, его стыдил:
- Растяпа, раззява,
Блудливая шкода,
Не с теми, с кем надо,
Ты дружбу водил.
Плуги все готовы,
Борон – половина.
Ни слова в докладе
О тех, кто не люб.
Убрать! –
И народного гнева лавина,
Казалось, до верха
Наполнила клуб.
Внимательно слушали все Михаила:
- Богатые земли
У вас, Старина.
А вы довели свой колхоз
До могилы.
- Что делать?
- Очистить сперва семена.

Они у вас есть.
Государство поможет.
Потом самых честных
На фермы послать.
Но самое трудное дело, похоже,
У вас

Председателя подобрать.
К примеру, знаком вам
Товарищ Кручинин?
Скажите, имеет он
Совесьть и честь?
По-моему, да.
Воевал знаменито,
Недаром вся грудь у него в орденах.

Окончил семь классов.
Овчарник разбитый
Он поднял один
На широких плечах.
Видали овец?
Загляденье – не овцы.
У вас во дворах
Не найдётся таких.
Пусть он, беспартийный,
За дело возьмётся
И будет везти
Один за двоих.

Понравился всем,
И особенно женщинам,
Смысл речи его,
До предела простой.
- Откуда такой?
- Как и мы, деревенщина.
Из Пели.
- И бают, ещё холостой.
- Прицелилась Фрося?
- Почистище видали.
- Хотя бы такого
На раззавод. –
Полночи Кручинина обсуждали.

Пьянчуги вопили:
- Не нужен! Отвод!

- А чем не хозяин?
- Не молод ли будет?
- Хорош!
- Никудышный!
- Пусть ставит ведро! –
И то, как кричали
До охрипа люди,
Мальчишкам казалось
Занятой игрой.
Мигали и тухли
Без воздуха лампы.
На сцене
Заснувший мальчонка раскис.
Был все-таки избран
Кручинин Евлампий.
- Ведро! –
Закричали вразброд мужики.

- Ведра не дождётеесь –
Сказал предколхоза. –
- Наряд по бригадам:
Очистка семян,
Проверка буртов,
Подготовка навоза.
Мы спустим бригадам
Декадный план.
Ущербленный месяц
Скрывался за хатой.
Народ разошёлся.
- Ты где-нибудь ел? –
Спросил председатель.
- Ну, будешь богатый,

Коли за сутки
Поесть не успел.

- Пошли.
- Нет, спасибо.
Я двину до дома.
Отсюда до Пели
Рукою подать. –
И тронулся в путь
Наш инструктор райкома
Проведать свою
Одинокую мать.

Рекою бежали
Инструкторства годы.
А он, как пловец,
В напряженье всегда.
Зато «Большевик»,
«Пролетарий», «Свобода»,
«Заря коммунизма»,
«Рассвет» и «Звезда»
Изучены им.
Было очень непросто
Хозяйства артельного
Суть распознать,
Бездельников, пьяниц,
Хапуг и прохвостов,
Не глядя на лица,
Разоблачать.

И он убедился,
Что выводы первого
Подсказаны жизнью
Не сразу, не вдруг,
Когда существом своим,

Кровью и нервами
Прочувствовал всё,
Что творится вокруг.
Разливы пшеницы
И ржи перекаты
Любил он
И в сердце глубоко хранил,
Когда молчаливым
Ответственным солдатом
В разведке прочёсывал
Вражеский тыл.

Теперь ни хлебов
Золотые долины,
Ни синего неба
Широкий разгон –
Живой и до боли правдивой
Картиной
Перед глазами
Стоял весь район.
Колхозики-карлики
Жили, худели.
Десяток клячонок,
Мотыга и цеп...
У них на клочках
Трактора не гудели.
Они, чертоломя до пота в лице,
Едва успевали
Вспахать десятину,
А сеять –
С лукошками два старика.
Соломой всю зиму
Кормили скотину
Не видя ни мяса, ни молока.

Пустыми
У них трудодни не бывали –
Кило приходилось
Наверняка.
На празднике гостю
Пирог подавали,
И самогонка лилась, как река.
В артелях таких
Председатели были
Свои,
Перед миром всегда на виду.
Курили махорку,
Косорыловку пили,
Три класса окончив
Себе на беду.

В колхозе «Ключи»
Невозможный случай
С Антоновым как-то
Произошёл.
Приехал туда
На телеге гремячей,
Приехал и...
Никого не нашёл.
Висят на амбарах
Замчищи, как гири.
В конторе и в избах –
Нигде ни души.
Лишь на лужайке
Девченки четыре
Ловили,
Подбрасывая,
Гольши.

В колхозе уборку
Закончили скоро,
Припрятали хлеб.
Председатель сбежал,
И всеми делами
Без разговоров
Завхоз бородатый,
Слышать, заправлял.
Прилёт за амбаром
Разведчик умелый,
Прикрылся фуражкой –
Дремота взяла.
Прошло полчаса:
Из-за бани несмело
Вдруг тень показалась
И снова ушла.

Потом конопля
На гумне закачалась,
Раздался приглушенный
Шепоток.
Потом в предбаннике
Кто-то ключами
Позвякал легонько
И снова молчок.
Всё ясно.
И зло тут взяло Михаила.
Он к бане
Уверенным шагом идёт,
И дверь распахнувши,
Кричит что есть силы:
Сзывай, борода,
На субботник народ! –

Кряхтя,
Вылезает завхоз изумлённый,
Весь в саже,
Сердитый и потный, молчит.
И девки, и бабы
Хохочут в запоны.
А Михаил отбирает ключи.
- Товарищи! Сами
Его осуждайте:
Припрятал весь хлеб,
А рабочим – шиш.
Амбары
Немедленно отпирайте,
Прикинем все вместе
Завхозов барыш. –

Часа через два
Из посёлка Ключищи
Нагруженный хлебом
Шёл красный обоз.
В тележке гремучей,
Тряся бородищей,
Сидел с Михаилом
Струхнувший завхоз.

К пятидесятилетию колхоза «Красный пахарь»

Серёга

(Невыдуманные рассказы)

1. Поездка в колхоз.

Однажды мы с Борониным
Приехали в колхоз.
Начальство проворонили.

Стояло время гроз.
Молчит село огромное,
Как вымерло. Ку-ку!
- Вы, парни, видно, тёмные.
Езжайте-ка в Луку, –
Сказала в кофте розовой
Старуха лет под сто. –
Испортит сено грозами,
А гниль, она на что? –

Лука – ладонь Алатыря,
Пять сотен десятин,
Разрезанная натрое
Морщинами ложбин,
Цветёт платками женскими,
Сверканьем тысяч кос...
Эх, удаль деревенская!
На пойме весь колхоз.
- Кого? Серёгу? Эвон там,
Работает, как чёрт,
За ним легко идти косцам –
Размаха первый сорт.

Подходим.
- Из редакции?
Газетный, значит, гром?
Умеете ли драться вы
Литовкой, как пером? –
Нам косы в руки сунули.
- Айда, косцы, за мной! –
Трава в цветенье, юная,
Ложится вал стеной.
Спина немеет, рученьки...
Солёный пот – в глаза...

К работе неприучены,
А отставать нельзя.

Вот где-то в рельс ударили,
- Обед, никак?
- Пора!
- Да, вы, друзья, ударники!
Приехали б с утра. –
На берегу алатырском,
Где воздух чист и свеж,
Мы ели с перцем взапуски,
Как дома не поешь,
Щи жирные с говядиной,
А в каше – масла ком.
На третье будет найдена
Клубника с молоком.

Потом втроём поехали
По фермам и полям.
Сергей, гордясь успехами,
Показывал всё сам:
Коровники «немецкие»,
«Бельгийский» молодняк,
Столовку, ясли детские,
Поля, Тросничный враг,
Засаженный берёзами,
С чистейшим родником.
Среди гвоздики розовой
Лежали мы ничком.

Проездили мы долго так,
Что в окнах свет потух.
Мы проверяли договор
Тогда «двадцати двух»
То было в крае первое

Соревнованье сёл,
Проникнутое верою
И огневое всё.
От «Нижкоммуны» Федя был,
«Ударник» – это я.
Нам нравился Серёгин пыл,
Скажу вам, не тая.

Он утречком на Голубе
В Ильинское сгонял.
Как выглядел он молодо!
Я помню, как сейчас,
Стоял перед конторой он,
Приветлив, полон сил,
И шевелюру чёрную
Чуть ветер шевелил.
Уверенно помахивал
Тяжёлою рукой,
От пяток и до маковки
Из бронзы отлитой.
И сколько бы ни ездил я,
Красивей не встречал.
Он был сама поэзия,
Вольна и горяча.

2. Юность.

Жил-был Серёга Осечкин,
С мальчишества удал.
Подрос. Парней заносчивых
С ног кулаком сбивал.
Сказал Семён Симагин сам:
- В полсилы бей, сынок.
Расписку на бумаге дам:
Не сдержишься – в острог.

Твоя дорога скатертью,
Елова голова...
Сергей кули ткал с матерью
До Пасхи с Покрова.

Весной впрягал он бурого
В оглобли меренка,
С братаном чрез Кочкурово
Тащился кое-как.
Сбруёнка была бедная,
Коняга крив и стар –
Гроша не стоил медного,
Жить впроголодь устал.
Но от утра до вечера
Отец велел пахать.
Коль так, то делать нечего –
Поскрипывай, соха!

От долго разутюживал
Загон свой между вех –
Спешил скорее к ужину.
Какой же в этом смех?
Он знал, что с Курмыша его
Ждёт, будто первый снег,
Мария-свет Гришаева,
Любимая навек.
На берегу под ивами,
В стозареве кустов,
Найдут они, счастливые,
Приют до петухов.

Какие неуёмные!
Не бес ли в них сидел?
В июле ночью тёмною
Наворошили дел.

Эх, где ты, время прошлое?
Делишки те – табак.
И в памяти непрошено
Они всплывают так:
Был пруд у самой волости,
Не пруд – осочья тишь,
Русалочки в ней волосы,
Серебряный камыш.

Дородные и плавные
В лодчонке расписной
В пруду поповны плавали
И пели со слезой,
Без подголосья, стройно так
Про роковую страсть,
Поглубже той промоины,
Что под водой вилась.
А ноченьками ярыми
Под звоны комарья
Дымили тут сигарами

Поповы сыновья,
Сычами глухо ухали
За волостью в прогон
И упивались слухами,
И пили самогон,
Как будто бы царевичи,
На деле – лопухи.
И взвизгиванья девичьи
Глушили петухи.
Раз Машеньку под вербами
Один из них сцепил
И горы злата-серебра
Ей за любовь сулил.

И стала наша Машенька
Казанской сиротой:
- Ах, что вы, что вы, Сашенька,
Ненаглядный мой.
Ведь поучал ваш батюшка,
Что целоваться грех.
А вдруг застанет матушка –
То-то будет смех!
Завтра приходите вы,
Мой голубок, сюда.
Только сутки вытерпеть
И – ваша навсегда. –

Звёзды ночь развесила
Во весь небосвод.
Под ветлой развесистой
Рыжий Машу ждёт.
Чу, идёт красавица!
Бросает парня в жар.
К Машеньке он тянется,
Вдруг – удар,
Искромётней радуги
Прямо под кадык!
И несчастный падает,
Прикусив язык.

Точно сноп распластанный,
Валится он в пруд.
Лягушки горластые
Скрылись, не орут.
Подол сарафанный свой,
Подхватив рукой,
Скрылась девка странная
В темени глухой.
Луна всходила медная

В сиреновой дали.
Две девчонки медленно
За Алатырь шли.
Одна – широкоплечая,
Другая – егоза.
Никто не слышал речи их,
Не видел их глаза.
Шли они, беспечные,
Топтали краснотал,
И кто-то по-над речкою
Басом хохотал.
Потом неделю целую
Село смеялось вслух:
- Девки наши смелые –
Вышибают дух!
- Кобелина рыжая,
Язык прикусил!
Вылез, бают, с грыжею,
Пардону запросил!

3. Чекист.

Тот смех сдувало ветрами
Октябрьских гроз,
Ревкомаами, Советами,
Морями вдовьих слёз.
Серёгу ветры подняли,
И он сказал:
- Пока!
Вернись, хоть в трёхисподнюю
Пошлёт меня Чека! –
Уехал в Нижний Новгород.
Письмишко раз прислал,
Что ничего, мол, нового,
Что вертятся дела,

Что встречи ждёт душа его,
Что, в общем, жив и здоров...
И Машенька Гришаева
Читала до утра.

А он зимой морозною,
В разлив, когда весна,
Зашелестит берёзами,
Без отдыха и сна
Ловил белопогонников,
Монахов и купцов,
Отслеживая в донниках
Семёновских лесов.
Ему служили ельники,
Кержацкий старый крест,
Чтоб изъять у мельника
Гранаты и обрез.

Таскал он в чёрном ящике
Аршинный самострел,
Сухарь ржаной клал за щеку
И смерти в глаз смотрел.
В разведке в ногу раненый,
Он по Ветлуге плыл,
Но, смертью отуманенный,
Он Марью не забыл.
Он выплыл, выполз на берег,
Семи смертям назло
И крикнул банде:
- На, бери!
Коли на то пошло! –

И маузер безропотно
Затархтел в руках.
И чудилось, что шёпотом

Зовёт его река.
Бойцы пришли на выстрелы
И взяли банды след.
Его свезли побыстрому
В Семёнов, в лазарет.
И под чистую списанный,
В кожанке, с костыльком,
Пошёл он с волжской пристани
Отметиться в губком.
В Кочкурове родителям
Сказал, обнявшись, он:
«Хотите, не хотите ли,
А я вступлю в закон.
У смерти свадьбу вырвал я.
Пригожей Маши нет!»
А после свадьбы выбрали
Серёгу в сельсовет.

4. Коллективизация.

А время ткало жизни нить,
Катились лет клубки
К тому, чтоб людям лучше жить,
Чтоб стали дни легки.
Все бедняки-рогожники
Сошлись тогда в артель,
За ними незаложники
Тянулись, точно хмель.
В двадцать девятом, вечером,
В Серёгиной избе
Колхоз, согласьем встреченный,
Взял бешеный разбег.

И Трушин, что из Сормова
Поклоны всем привёз,

После собранья спорного
Повёл колхоз.
Егор, Серёга Маленький
Свели со всех дворов
К Серёгиной завалинке
Семнадцать животов.
Телеги разом выстроив,
Оглобли вверх подняв,
Курнули все побыстрому
От одного огня.

Семнадцать сох с лукошками,
Кнуты и хомуты
Сложили под окошками:
- Прилёт до темноты!
Пошли кулачить ячества
Рогожных королей,
Чтоб выполоть их начисто,

Как сорняки с полей.
На двор купца Гришаева
Свели – согнали скот.
Не вынесла душа его –
Взял вилы, живоглот.

На Стёпку Солуянова
Пошёл, взревев, что бык.
Связали окаянного:
- Ша! Прикуси язык! –
За злобу и глумление
Турнули и попов
И взяли под правление
Один из их домов.
На красный сев в Отрезное
Пошли и стар, и мал.

Телеги кони резвые
Вмиг вынесли на вал.

А на пути их сытая
Встретила толпа:
- Вертай назад, небитые!
Заказана тропа!
Егорка на «фордзонишке»,
Дымя, свистя, стуча,
Шёл на толпу разгонисто
И весело кричал.
Сергей шагнул:
- С дороги все!
Колхоз, колхоз идёт
На первый сев, на красный сев!
Эй, расступись, народ!

Тут камень, кем-то брошенный,
Серёге в грудь попал...
- Пустите по-хорошему! –
И – раздалась толпа,
Смутилась и попятилась,
И захрустел плетень...
Была страстная пятница,
Весенний трудный день.
Но Трушин не был суженым
Надолго для села.
Знать партии стал нужен он,
И партия взяла.

Сергей стал председателем,
Прокладчиком дорог,
И мужиков податливых
Дубил, как только мог,
Учил болеть за общее,

Навек забыть своё
Унылое и тощее
Проклятое житьё.
Веранда над Алатырем
В правлении была,
Здесь бригадиры плакались,
Толкуя про дела.

Наряды получали там
Для общего труда.
Наперекор случайностям
Сергей знал всё всегда.
Самоуправство наглое,
Тупую лень и ложь
Карал без всякой жалости,
Не слушая скулёж.
Суров бывал Серёженька
И беспощадно крут –
Не помогал и боженька,

Коль бригадиры врут.
После наряда строгого
Говаривал:
- Споём!
Андрей, не строй убогого,
Начнём вдвоём. –
И песню ткали, нежели
Мужские голоса.
Лилась она, безбрежная,
В луга, поля, леса.
Село, привставши, слушало,
Дыханье затая.
Владела песня душами
И тополей, и ив.
И над рекою спящею

Бродила и звала,
Звала на настоящие,
На общие дела.

5. Награда.

В тридцать четвёртом вызвали
Серёгу прямо в Кремль.
О конопле, знать, вызнали,
О стройке ферм.
Он воротился с орденом,
Собрал всех в круг:
- Нас наградила Родина
За коллективный труд!
И орден от Калинина
Я получил за вас.
На завтра вышла линия –
Жить лучше, чем сейчас. –

Нельзя те годы выбросить!
Так в памяти свежи!
Как в сказке школа выросла,
Поднявши этажи.
И скоро на Алатыре
ГЭС закрутила ток
И осветила ваттами
Божницу и порог,
Светила, как положено
На бёрдочки и стан –
И ахнули рогожники,
Как будто каждый пьян.

И легче стало дом вести
Хозяйкам пожилым...
Колхоз, сказать по совести,

Ходил передовым.
И не в районе крошечном –
В России молодой!
Тянул Сергей к хорошему,
Учил: иди, не стой.
В труде росли ударники,
Бедняк дерзал:
Познал корма, запарники,
И тракторы познал,
Засел в лаборатории,
На опыте, как факт,
Познал сортов историю
В чудеснейшей из хат.

Но, лодыря и пьяницу
Серёга не любил.
Кто за наживой тянется,
Словами больно бил,
Как некогда блудливого
Ударом под кадык
Попёнка долгогривого
Под лягушачий крик.
Учил болеть за общее,
Совсем не за своё,
Забыть навеки тощее
Бедняцкое житьё.

Был урожай невиданный
В тридцать седьмом году.
По столько хлеба выдано,
Что он принёс беду.
Беда, что сыпать некуда,
Что столько трудодней,
Как рыбы в частом неводе –
Лещей и окуней.

И хлеб везли готовенький
Обозами в мешках,
Тащили в избы, в горенки,
Ссыпали. Пой, душа!

Пой, счастье мужицкое
С слезинками из глаз!
- Иди и правь в столице ты,
Ефимович от нас! –
А он? Готов на плаху он
Пойти за свой народ,
За тех, кто «Красным пахарем»
Село зовёт,
За тех, кто много выстрадал
В рогожной кабале,
Кто жизнь людскую выстроил
На дедовской земле.

Как жаль, что рановато он
Сердечко надорвал,
Такое тароватое
На добрые дела.
Ему не отлит памятник.
Пусть шелестят года,
Но он в народной памяти
Остался навсегда.
И я горжусь, что вместе с ним
После военных гроз
Колхозом жили мы одним
И верили в колхоз.

Май-июнь 1979 год. Починки.

Примечание:

Бёрды – приспособления для ткацкого стана.

Боронин Федор – корреспондент газеты «Нижегородская коммуна», а позднее «Горьковской правды».

«**Двадцати двух**» – соревнования 22-х колхозов Нижегородского края.

Литовка – большая коса.

«**Ударник**» – газета политотдела Починковского МТС.

Поэма о России

Нет любви сильней, сильнее зова.
Нет дороже и святее чувств.
Я тебя сегодня славлю снова
В этот юбилей Родная Русь.

Не смотря на горести и беды,
Тяжкое кабальное житьё,
Верили далёкие прадеды
В гордое величие твоё.

Невский бой, сражение Чудское,
Куликово поле на Дону,
Гордо носит наш советский воин
На груди седую старину.

Крепла Русь в сраженьях этих жарких,
Побеждая тяготы невзгод.
Снова в Нижнем Минин и Пожарский
Поднимали на борьбу народ.

Через век, оваянная славой
Под орудий «колокольный» гром,
Ты себя увенчала Полтавой,
Твёрдо став на берегу морском.

Рымник, Измаил, Альпийский горный
Переход. – Вот русской славы рост.
Да, генералиссимус Суворов
На мундир не вешал с неба звёзд.

Новый, ратный подвиг небывалый
Этой битве на века дано
Летопись Российскую прославить
И вписать в неё Бородино.

Родина! Тебе хватало силы
В трудный час ты поднималась вся.
И опять сквозь годы шла Россия,
Гордое величие неся.

Пятый год! Броненосец «Потёмкин»,
Вся Россия в огне баррикад.
Никогда не забудут потомки
Революции огненных дат.

Царь в крови утопил восстание,
Но России сердце само
Снова в бой зовёт пролетариев,
Ленин трудится в Лонжюмо.

Год семнадцатый, царь отрекается
От престола – победа!
По всей стране возникает
Народная власть – Советы.

Две власти в стране – Советы и Временная.
Солнце свободы встаёт.

Партия ожидает Ленина.
Апрель. Семнадцатый год.

Толпы народа, солдат окружение,
Финляндский вокзал заполнили вмиг
Под крики приветствий встречающих. Ленин
Поднялся на броневик.

Его слова призыва к народу
Тонут в мощном крике «Ура!»
Дать решающий бой за свободу
Наступает пора.

Для руководства ходом восстания
ЧК выбирает Политбюро.
И тут же экстренное заседание
Из-за измены меньшевиков.

На штурм, на последний оплот буржуев!
За власть Советов! Призывы звучат.
Громом орудий «Аврора» дыхнула,
Зимнего штурм начат.

Винтовок трескотня, лай пулемётов,
Атака за атакой без конца,
Вот навзничь опрокинуты ворота,
И бой уже на лестницах дворца.

Вот бой на этажах и глубже, в здании,
Орёл двуглавый с тронном – кувыркном.
«Вся власть Советам!». И самодержавие
Раздавлено солдатским каблуком.

«Победа!». Ленин поднимает руку,
И умолкает моментально зал.

Плывут над залом, разливаясь, звуки
И стоя все поют «Интернационал».

Наши деды штурмовали Зимний,
Из орудий били по дворцам.
Защищать Советскую Россию
Выпало и дедам и отцам.

И они для новых поколений
Создали в решительном бою
То, о чём мечтал великий Ленин –
Родину Советскую свою.

28 октября 1967 года.

Преемник отца и деда

Сын Александра Михайловича Рожалина, Эдуард Александрович (1943 г. р.) получил образование в Томском государственном университете (исторический факультет). Тридцать лет занимался Эдуард Александрович преподавательской деятельностью (школа, техникум, вузы).

В молодые годы около пятнадцати лет работал Эдуард Александрович геодезистом в проектно-изыскательских экспедициях перед постройкой дорог и мостов, в том числе с 1967 по 1969 год и с 1979 по 1980 год на Баме.

От отца и деда прекрасно передалась Эдуарду Александровичу способность к сочинению стихов. Многие его стихи связаны с работой геодезистом и написаны в изыскательских командировках.

Любителям поэзии будет интересно почитать стихи Эдуарда Александровича Рожалина, которые у него частично сохранились.

Видение

Она была в зелено-голубом:
Воздушный шарфик сказочного цвета
И легонькие шпильки на ногах,
А мы – в болотных грязных сапогах,
Обросшие и красные от ветра, –
Стояли и смотрели впятером.
Она была в зелено-голубом.

А шла она тропинкою лесной
Походкой легкой, чуть земли касаясь,
Казалось, не идет она – летит.
По очереди мы в теодолит
Смотрели на неё, не отрываясь.
В ней было все овеяно весной,
А шла она тропинкою лесной.

Вилась тропинка рядом, за рекой.
Когда девчонка подошла поближе,
Мы подняли невообразимый гам.
Она, услыша, повернулась к нам
И улыбнулась – я вас тоже вижу, –
И помахала маленькой рукой.
Вилась тропинка рядом, за рекой.

Она ушла, оставив в душах след,
Какое-то особенное чувство,
Смесь радости, надежды и тревог
У тех, кто верил, ждал, любовь берёг,
И на других, в сердцах которых пусто,
Пролился глаз её чудесный свет.
Она ушла, оставив в душах след.

Пермская область, река Юг, река Сылва. Май 1965 года.

В пустоте

Я пустой, как троллейбус, который выходит из парка,
Как забытый вагон, что годами стоит в тупике.
В этот проклятый год надоела пустая запарка,
Я умчался в Сибирь, как всегда второпях, налегке.

Думал, всё, как и прежде – тайга возрождает и лечит,
Думал, сброшу лет двадцать и снова в свободный полет,
Притяженье земли лихолетьем схватило за плечи.
А тайга? Не излечит, ну, разве что – только убьет.

Грустно мне понимать, что все лучшее в прошлом осталось.
Горько осознавать, что уже догорает свеча.
Правда – то, что к тебе я давно не испытывал жалость,
Если что и случится, наверное, негоряча.

Пустота, я раздавлен, просто беспомощен даже,
Нет горенья в душе, нет надежды, а может любви.
Знаю, что не придет «исцеленье» и тихо не скажет –
Ты не жив. Что хоронишь себя, коли – жив, то живи.

Нефтяное месторождение Славинское. 28. 06. 2000 года.

Геодезист

Озябшие пальцы к винтам пристывают,
Блестит перламутровый иней у рта.
Топограф по трассе углы замеряет,
Шестая с начала пройдёна верста.

Шесть тягостных верст по сыпучим сугробам,
Трескучий мороз и по пояс снега,
Неделю назад, здесь темнела дорога,
Но ровно неделю гуляла пурга.

И лишь на восьмые разведрилось сутки,
Под солнцем снежок стал хрустеть и сверкать.
Надели ребята свои полушубки
И вышли на трассу углы замерять.

Идут по сугробам, по лесу, по полю,
Судьбу беспокойную горько клянут:
- Эх, доля ты наша, паскудская доля,
Сейчас бы в привычный домашний уют:

Смотреть телевизор, сидеть на диване,
Газеты сегодняшние читать,
С пивком жигулевским понежиться в ванне,
А ночью – на мягкой постели лежать.

В Ленком, в Современник попасть на премьеру,
В спортивный дворец на хоккей бы сходить...
- Послушай, дружище, мечтать нужно в меру,
Ведь три километра еще впереди.

А если сказать обо всем откровенно,
Тебе ль по душе благодатная тишь.
И вряд ли найдешь уголок во вселенной,
Где ты успокоишься, где усидишь.

Когда ты в пути, ты о доме мечтаешь,
Уют и квартира тебе дороги,
А дома сидишь – в заполярье шагаешь
Ты мысленно, бродишь в завалах тайги.

Быть может, ты ищешь особое счастье?
Ну, что ж, пожелаю тебе – в добрый путь,
Но, только шагая тропею бродячей,
Любимых и близких своих не забудь.

... Под вечер, в палатке холодной и дымной
Ты скажешь с усмешкой под ветряный свист:
- Росли у отца три парнишки, три сына –
Два умных, а третий – геодезист...

Город Чехов Московской области, зима 1965 года.

В шестнадцать девчоночьих лет

Девчонке – шестнадцать, она хороша,
С парнишкой идет без опаски.
Не хочет бояться простая душа
Несмелой мальчишеской ласки.
И пусть говорят ей соседи порой,
Что он – шалопай, что из рук вон плохой,
Ей кажется, в мире его лучше нет,
В шестнадцать девчоночьих лет.

И если он спросит: со мною пойдешь
В чужие далекие страны?
Про сплетни забудет она и про ложь,
И брови нахмурит упрямо, –
Кривить не умеет девчонка душой,
Ведь он самый сильный и самый большой,
И с ним обойдет она весь белый свет
В шестнадцать девчоночьих лет.

Поссорились вдруг. Убежала она,
И слезы, как дождь в воскресенье,
И целая ночь на подушке без сна,
Прочитаны стихотворенья.
И видят заплаканные глаза
Себя в этой книге, – ну-ну, чудеса...
У каждой есть близкий, любимый поэт
В шестнадцать девчоночьих лет.

Устала девчонка, забылась на миг,
Тихонько сомкнулись ресницы,
И сказочный мир – необъятно велик,
Пред ней не замедлил явиться.
Как-будто она в этом мире летит,
К нему на свидание снова спешит,
Блуждая в созвездье далеких планет
В шестнадцать девчоночьих лет.

Молчанье и ночью, и утром, а днем
Раздался звонок телефонный.
И снова идут по бульвару вдвоем
И спорят о чем-то влюблено.
И каждое старое слово
Для них необычно и ново –
Как здорово жить и любить на земле
В шестнадцать девчоночьих лет.

Не минет родителям кто-то сказать:
- Смотрите, не слишком ли рано
Пошла ваша дочь вечерами гулять
С мальчишкой, притом – с хулиганом.
Нельзя приказать – не дружить, не любить,
Не может девчонка его позабыть.
Поверьте, не нужен строжайший запрет
В шестнадцать девчоночьих лет.

Девчонке – шестнадцать, она хороша,
С парнишкой идет без опаски,
Не хочет бояться простая душа
Несмелой мальчишеской ласки.
Не нужно бояться, скажу это вновь,
Ведь самая чистая в жизни любовь
В душе, от которой негаснущий свет
В шестнадцать девчоночьих лет.

Красноярск-Енисейск, лето 1965 года.

Разговор с собакой

Ну что ты уставил на меня
Свои собачьи глаза.
И пасть оскалил, хвостом семеня,
Как-будто что-то хочешь сказать.

В зрачках твоих глаз немой вопрос
Тревожно застыл.
Нет, счастья нам аист не принес,
Он просто его забыл.

Пес мой, ты был тогда еще
Неповоротливым, глупым щенком,
Добрый, веселым товарищем,
Но толком несмыслил ни в чем.

В ту пору стояла весна,
И вот так же таяло.
Когда приходила ко мне она,
Ты звонко ее отлаивал.

Ты шаром пушистым катился к ней,
Хватал за лодыжки ног.
Погладить захочет – ты только злей,
А я без нее обойтись не мог...

С тех пор пролетели года вереницей,
История в общем простая.
Как вдруг ты сегодня залаял,
Услыша, что в двери к нам кто-то стучится.

Я вышел открыть и уже на пороге
В немом изумленье застыл,
С рычаньем ты прыгнул к прищелице в ноги,
Но неожиданно заскулил.

Она погладить тебя потянулась
И тихо сказала: весна.
Смущенно и ласково улыбнулась,
Как улыбалась одна она.

Сказала: ты извини, пожалуйста,
Не хмурься и не сердись,
Я ведь пришла не жаловаться
На трудную жизнь.

Может, меня он больше любит,
Может, чуточку меньше, чем ты.
Все мы в жизни всего лишь люди,
И не всегда сбываются наши мечты.

Нет-нет, я ничуть не жалею о прошлом,
Ничто не вечное под луной.
Просто немножечко грустно и тошно,
Что я не с тобой, что ты не со мной...

Она говорила, а я молчал.
Был ясный весенний день.
И только сердце кричало, стуча:
«Ну что ты стоишь и молчишь, как пень».

Скажи, что любишь другую, скажи,
Что все быльем поросло,
Что счастьем нынешним дорожишь...».
Но, нет. Не хватает слов.

Простились, уходит безмолвно грустна.
Я все ей машу рукой.
Шесть лет, как растаяла та весна,

Но пес мой припомнил её и узнал.
А я? Я сегодня совсем другой.

Ну что ты оставил на меня
Свои собачьи глаза,
И пасть оскалил, хвостом семеня,
Как-будто что-то хочешь сказать.

Ты думаешь, верно, о той, что ушла
В весеннюю розовость города?
Не думай, я с нею молчал не со зла.
Люблю я её, но люблю слишком гордо.

Молчу, временами пытаюсь солгать,
Что будто другую люблю безмерно.
О, если б ты мог – хоть что-то сказать,
Ты сразу бы выдал меня наверно.

Ты спас бы меня, но послушай, послушай –
В засохшее русло не плещет вода.
Давай лучше водкой попотчuem душу.
Её же забудем. Совсем. Навсегда.

Город Щёлково, февраль 1966 года.

В раю

Плывут, ползут седые облака
По склонам гор, церляясь за вершины,
Чернеют тополя среди долины,
Шумит в ущелье мутная река,
Плывут, ползут седые облака.

Бальзамом мне на сердце этот край.
В кольце жемчужных гор Прииссыккулье.

Умолкли взрывы, отзвенели пули,
Я обретаю вновь душевный рай, –
Бальзамом мне на сердце этот край.

А завтра снова возвращенье в ад,
И снова жизнь взахлёб в круговороте
Домашних сцен, фальстартов на работе.
Ну, а не я ли в этом виноват,
Что завтра снова возвращаюсь в ад.

Зачем живем мы в вечной суете
На шумных улицах и в тесноте, и в давке?
Не те мечты, желания не те
Калечат души нам, как в костоправке.
Зачем живем мы в вечной суете?

А есть удел иной, удел иных –
Без суеты, без нервов, без метаний,
Живут в тиши, на месте, без скитаний,
Днем – на природе, ночью – видят сны.
Им снится город непонятный, дальний.
Да, есть удел иной, удел иных.

Я знаю, надо жизнь переменить,
Но где взять смелость, чтоб принять решение,
Ни оправдания нет, ни утешенья.
Терзают страхи, мучают сомненья,
Но так, как жил, уже не в силах жить.
Где смелость взять, чтоб жизнь переменить.

А может, это мысли через край,
И в жизни ничего менять не надо.
Когда-бы не прошел чрез муки ада,
Не знал бы, что на свете есть и рай.

Пристань «Пржевальск», озеро Иссык-Куль. 14 июня 1987 года.

225

Сон

Увидел как-то, среди белой ночи
Здесь на земле ханты-мансийской дальней
(Возможно, это недруг напророчил)
Я сон довольно странный, но реальный.

Один, как перст, среди глухой тайги
Стою, почти затянутый болотом,
Пытаюсь временами звать кого-то,
К Христу взываю: «Боже, помоги!».

Кричу во всю, болото гасит эхо
(А в подсознании – это страшный сон),
Но вместо крика – жалкий, хриплый стон,
Лишь тучи комаров со всех сторон.
Для них я – пиршество, последняя потеха...

Что толку в крике, в сотне верст в округе
Живой души вовеки не бывало,
А смерть тебя давно здесь поджидала,
Так что смирись и не кричи мой друг.

Так разум мой мне дружески заметил.
Проснулся я в холоднейшем поту.
Закат-восход был радужен и светел.
Я вновь продолжил думать думу ту –
Кого зову, коль никого на свете

Нет – ни друзей, ни близких, ни жены.
Нет нежной и единственной любимой,
Ношу в душе мятежной и ранимой
Я вместо Бога – образ сатаны.

И потому один в таёжной дали
Сжигаю прошлой жизни корабли,
Не взять здоровья от чужой земли,
Больную душу вылечишь едва ли.
А было ль чувство, что не сберегли?
Счастливо жить мы просто не могли.
Прости. И помни. Эдуард Рожалин.

Ханты-Мансийский округ, месторождение Славинское, 10 июня
2000 года.

Содержание

Рожалины.....	3
Починки	15
Алена	31
Бударин	59
Флаг моего детства	83
Золотой	103
Медвежье сало	107
Володька (поэма).....	110
Володька	121
Лиственница	126
Букет	128
Другу-пенсионеру.....	129
Мать.....	130
Первая любовь	131
Жду	140
Марусе	142
М. Горнову.....	143
Песня старого бахши.....	144
Песня об Ишутине.....	148
Кульптоход	149
Нижегородская ночь	151
Свидание	152
Марш курсантов Починковского сельскохозяйственного профтехучилища.....	153
Конец войне.....	154
Наш Толстой.....	155
На Ямах	155
Наш колхоз	158
Песня девушки	163
Зойка	165
Олин «Огонек»	167
Где друзья	173
Рузавка	174

Поэма без названия	181
Сергеа	197
Поэма о России	213
Преемник отца и деда	216

А. М. Рожалин
Моя фамилия Рожалин

Часть 2

Составитель: Фуфаева М.А.
Ответственный за выпуск: Максимова Е.Л.
Редактирование: Максимова Е.Л.
Макетирование: Кильмаева М.С.

Отпечатано в Центральной библиотеке.
607910, Нижегородская область, с. Починки, пл. Ленина, 55.
8 (83197) 5-03-34; 8 (83197) 5-16-10.